

Матьяна
ТРОНИНА

ПРАВИЛА
КОРОТКИХ СВИДАНИЙ

ОДНО СЧАСТЬЕ
НА ДВОИХ

18+

Нити любви

Татьяна Трoнина

Правила коротких свиданий

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трoнина Т. М.

Правила коротких свиданий / Т. М. Трoнина — «Эксмо»,
2023 — (Нити любви)

ISBN 978-5-04-192746-2

Татьяна Трoнина – один из самых читаемых авторов в жанре мелодрамы. Эмоции, накал и непременно в каждой истории – сложный и важный выбор, от которого зависит многое, если не все. Лизу и Адама вполне устраивают свидания без обязательств. Лиза избегает серьезных отношений, она счастлива в своем закрытом беззаботном мирке. Адам же открыт для большего, и эти встречи рано или поздно станут не нужны – родные нашли ему невесту-хозяйку. Но что произойдет, когда наступит время неизбежного расставания? Что, если эти короткие встречи и были их главной радостью? За которую можно отдать все...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192746-2

© Трoнина Т. М., 2023
© Эксмо, 2023

Татьяна Тронина
Правила коротких свиданий. роман

© Тронина Т., 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Исти любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

*П*РАВИЛА
КОРОТКИХ СВИДАНИЙ

МОСКВА
2023

Холода наступают внезапно.

Совсем недавно было лето, а тут раз, словно переключатель повернули, – и вот уже под утро из полуоткрытого окна на меня вдруг повеяло чуть ли не арктическим холодом, хотя до настоящих морозов далеко, ведь сейчас еще сентябрь.

И я в первые минуты после своего пробуждения обреченно подумала, что такая неуютная погода – на ближайшие полгода.

Впрочем, тут же строго напомнила себе – надо жить дальше. Да, впереди царство тьмы и холода, ну и что теперь? Ныть и раскисать? Существует же много маленьких радостей, способных поднять настроение. Чашка горячего кофе, например. На полке в холодильнике у меня стоит йогурт со вкусом пломбира – сливочный-сливочный, нежный и плотный одновременно, именно той консистенции, что я люблю.

Из других развлечений – чтение новостей (тоже подобраны по моему вкусу), общение с избранными френдами в Сети. После завтрака и просмотра новостей можно и поработать, или как еще называлось это мое занятие, приносящее небольшой доход...

Кстати, позже, уже днем, хорошо бы отправиться на прогулку в парк. В чудесный московский парк, уютный, ухоженный, красивый и относительно безопасный.

Да я живу в сто раз лучше многих, стыдно поддаваться осеннему унынию! А Новый год станет перекидным мостиком до весны, этот праздник не даст утонуть в полынье безвременья или завязнуть в сугробах скуки – на длинной холодной дистанции.

Совести у меня нет, с жиру я бешусь (в переносном смысле), вот что. Хандрю из-за пустяков!

С другой стороны...

Но это же я, я, которая у себя одна, почему я должна обязательно жить с оглядкой на других, на весь мир? Разве я виновата в том, что другим живется хуже? Должна ли я на этом основании принижать свои чувства, обесценивать собственные эмоции? Разумнее признать, что с осени до весны у меня хандра, я все делаю через силу, и, как бы я ни веселилась и ни развлекалась, нотка горечи преследует меня, она везде и во всем – и в кофе, и в йогурте, и прелея листва в парке тоже пахнет ею.

Как избавиться от сезонной хандры – я не знаю, наверное, стоит подумать о лекарствах, но к ним у меня давняя неприязнь.

Звякнул телефон.

Я протянула руку к прикроватной тумбочке, нашарила его, нажала на экран. Сообщение от Адама, состоящее из смайликов. Или из эмодзи, как там еще эти значки называют?.. Словом, послания Адама состояли из символов. Подобными символами обменивались люди, жившие в те времена, когда письменность еще не изобрели. Ну что ж, надо признать, человечество возвращается к своим истокам (тут, после этой фразы, следует поставить улыбающийся смайлик).

Я уже научилась расшифровывать пиктограммы Адама, да ничего сложного в них и не таилось. Они были в основном двух видов: когда Адам информировал меня о своем прибытии и когда он делился со мной своим настроением. Или не настроением, а это были послания ни о чем, в которых встречались то солнышко, то зонтик, то опять какие-то зверюшки или механизмы. Я в тот раздел его сообщений даже не углублялась, и без того было понятно: вот Адам радуется, вот – грустит. Или это вовсе не про эмоции, а о погоде он мне пишет? Ну, неважно.

Сообщения Адама первого вида являлись более информативными. Как, например, это, сегодняшнее: цыпленок, автомобиль, электронные часы, показывающие девять ноль-ноль. С новой строки – спидометр, молния, знак десять в красном круге и слово «как» с вопросительным знаком.

Все ж понятно.

Цыпленок – это обращение ко мне. Я и есть цыпленок, вернее Птен – так называл меня Адам. «Птен, – докладывал мне сейчас Адам с помощью смайликов-эмодзи. – Смогу приехать

к девяти. Времени у меня очень мало, не больше десяти минут, придется все сделать быстро-быстро. Как, приезжать сейчас к тебе или нет?»

Я задумалась. Прислушалась к себе. Ничего во мне не откликнулось, не отозвалось на этот вопрос. Фоном шло лишь ощущение раздражения, досады. И вот как с таким настроением соглашаться на свидание?

Адам мне не нравился, хотя присутствовал в моей жизни довольно давно, он время от времени заваливался ко мне с короткими визитами. Это были гостевые отношения ни о чем... да это даже не гостевые отношения, а что-то совсем примитивное и убогое, чего, наверное, надо стыдиться и скрывать от окружающих.

Хмурясь, я смотрела на экран. Адам находился в Сети, он явно ждал моего ответа. Я нажала на картинку в виде поднятого большого пальца.

Тем самым соглашаясь на условия Адама. Я подтвердила, что жду его. Он может приехать, у нас с ним целых десять минут на свидание, какая, однако, роскошь – целых десять минут... (тут опять надо поставить улыбающийся смайлик).

Мне ничего не хотелось уже – ни есть, ни пить, ни лезть в интернет за общением. Я смогла только умыться, причесываться вообще не стала, потому что это та еще морока.

Накинув на себя плед, я вышла на балкон.

Солнце и холод. Листва еще не осыпалась, в кронах деревьев мелькало много зеленых оттенков, но осень чувствовалась уже везде и во всем. Пахло тоже осенью, а этот белый бесстрастный свет, льющийся с неба, навевал ощущение безнадежности... и холодно, холодно. Градусов десять сейчас от силы?

На меня совсем тоска напала. Я даже пожалела, что согласилась на визит Адама. Может, позвонить ему сейчас, отменить все? Или нет, пусть мне будет еще хуже, совсем плохо – может, хоть тогда я решусь на какие-то перемены в своей жизни?

Десять минут на то, чтобы заняться любовью, это очень мало. Ни полноценной прелюдии, ни каких-то особых нежностей, ничего. Это унижительно, и унижительно для меня в первую очередь, потому что это *мне* ставят подобные условия.

Но. Но... У Адама совсем нет времени. Он может вырваться совсем ненадолго, максимум на час. Иногда и вовсе вот такой цейтнот, когда у Адама лишь десять минут в запасе. Это не его прихоть, не его пренебрежение мною – это *его* жизнь.

Не Адам меня унижает, к нему никаких претензий вообще, это я унижаюсь, соглашаясь на жалкие десять минут. (Даже не на одиннадцать, если вспомнить одного современного классика, которого я не понимаю, кстати, ибо не мой это писатель, совсем не мой.)

Но почему же я согласилась на эти десять минут? А потому, что ко всему можно приспособиться. Даже больше того, когда мало времени, то сам «процесс» происходит как-то... проще и легче, что ли? И удовольствие во время этих экспресс-свиданий я получаю всегда и стабильно, потому что никаких лишних мыслей у меня не успевает возникнуть. Ничего не отвлекает меня, когда цель – одна.

Вот и сейчас, когда я подумала о том, ради чего я терплю Адама, то невольно стиснула в пальцах края пледа... В предчувствии того, что меня ждало. На миг мне даже показалось, что солнце не бесстрастно-белое, осеннее, а оно по-летнему обжигает мне губы и кожу на груди, тот маленький островок под ключицами, что я не прикрыла шерстяной тканью. Да, я раздражена, меня переполняет досада, мне не до Адама, но только его визит поможет улучшить мое настроение. Это надо признать и смириться.

...Из-за дальнего угла дома вырулил во двор большой черный пикап, остановился напротив моего подъезда. Адам? У мужчины, вышедшего из пикапа, довольно длинные темные волосы, широкие плечи, основательная такая походка, когда каблуки у обуви словно впечатываются в асфальт... Да, это он, Адам, вышел из машины. Он, он. Тот, кого я ждала. Но, похоже,

Адам приехал не один, еще кто-то сидел рядом с водительским местом (было видно силуэт), этот человек так и остался в машине.

А Адам тем временем зашагал прямо к подъезду.

Я вернулась в комнату, бросила плед на стул, подбежала к домофону. Раздалась мелодичная трель, прямо мне в ухо. Я сорвала трубку:

– Да?

– Это я, – прозвучал голос Адама – низкий, глухой, какой-то горловой, резкий, неприятный. Когда Адам громко произносил что-то на публике, то обычно на него все оборачивались. Я нажала на кнопку, открывая дверь вниз.

Через пару минут Адам уже перешагнул порог моей квартиры.

– Птен, привет, – сказал он, нависая надо мной – его метр девяносто пять против моих метра шестидесяти. Хотел обнять, но я оттолкнула его:

– А руки? – Я указала на пачку влажных салфеток, лежавших на полке под зеркалом.

Адам фыркнул, вытянул салфетку из пачки, тщательно вытер ею руки, смятый ком бросил в корзину для мусора, что стояла тут же.

Потом опустился на неширокую скамейку – с кованым основанием, тяжелую и прочную, притянул меня, усадил к себе на колени, развел в стороны полы моей длинной рубашки и издал что-то вроде стоны сквозь стиснутые зубы.

...У Адама были ужасные руки. Грубые, жесткие, шершавые, которые всегда царапали мою кожу. Пальцы и ладони Адама – сизые, с вьёвшимся в углубления папиллярных узоров металлом. Эти темные разводы не отмыть, я давно поняла, я уже смирилась.

Руки кузнеца. Да, у Адама – именно эта, редкая нынче, профессия... Почти все его родные по мужской линии являлись кузнецами – он, его отец и его сводный брат Виктор. Семейный бизнес. Бизнес, который занимал все свободное время. У Адама не было ни жены, не детей, но зато мне приходилось делить своего любовника с его работой.

Мужчины в семье Адама вечно выполняли чьи-то заказы – то они ковали перила, ограды, канделябры, садовую и домашнюю мебель (наподобие вот этой скамейки, на которой мы сейчас сидели, ее сюда Адам и притащил, кстати), то изготавливали оружие – кинжалы и мечи... Не настоящее оружие, как я поняла, а скорее сувенирное. А иногда мужчины рыскали по окрестностям в поисках подходящего металла, добывали его – на каких-то свалках, у перекупщиков, еще где-то. В подробности семейного бизнеса своего любовника я не вникала, неинтересно.

Чем занимались женщины в этой семье, я представляла тоже весьма смутно. Вроде мачеха Адама и жена его брата отвечали за домашнее хозяйство, за быт, за детей (у Адама было двое племянников), еще дамы снимали какие-то видеоролики о том, как ухаживать за садом и огородом и как готовить и делать заготовки на зиму, выкладывали ролики в соцсети... Женщины в той семье блогеры, короче. Это занятие было мне немного понятнее, даже учитывая то, что уход за садом и огородом меня совершенно не волновал. Но я не пыталась отыскать эти поучительные видео в социальных сетях. Зачем? Я глубоко городской человек, никакая сила не заставит меня заниматься рассадой и даже цветами, тем более и дачи-то у меня нет.

Словом, Адам себе не принадлежал, он являлся частью семейного клана Громовых. Скорее всего, и сегодня они с братом (наверняка это он остался сидеть в машине) собирались ехать за металлоломом, потому Адам и торопился. Иначе их заказ мог уплыть еще куда-то.

Прелюдия все-таки присутствовала сейчас, как же без нее. Самая обычная прелюдия – поцелуи и прикосновения. Я чувствовала на своей груди тяжелые, шершавые ладони Адама. Он мял и тискал меня, как, наверное, делали его предки-мужчины тысячи лет назад. Незатейливые, но, надо признать, имеющие эффект движения. Почему прикосновения Адама так заводили меня – я не знаю. В Адаме не было никакой нежности (впрочем, как и грубости,

честно скажу, он никогда не причинял мне боли, да я бы и не потерпела такого), а был один лишь... примитив, или как это еще назвать?

Поцелуи Адама тоже не отличались изысканностью и ловкостью. Он целовался так, как и должен целоваться э-э... кузнец. И вообще. У него были слишком большие зубы, большой язык – а это неудобно, у меня сейчас челюсть даже заныла немного. Я не нуждалась в каких-то особых ухищрениях, и даже, хуже того, я их и не хотела, тактильный голод был мне несвойственен, поэтому меня с самого начала знакомства с Адамом не покидало ощущение, что вот это все – временно. Ведь я хотела простоты, а вовсе не примитива.

Адам – не мой человек, не мой мужчина. Говорят, любовников выбирают по запаху, так мне и запах Адама тоже не нравился. Мой любовник, судя по всему, курил сегодня. Не сразу перед визитом ко мне, а полчаса назад, быть может? Скотина. Я же просила.

Запах тела Адама меня тоже не устраивал. Нет, Адам – не грязнуля, он не из тех мужиков, которые забывают о душе и не пользуются дезодорантами, его природный запах – не отвратительный, но он какой-то уж слишком явный, с отчетливой, неистребимой ноткой мускуса, не мой совсем. Это запах *чужого* мужчины.

Адам некрасивый. Даже не так, он – страшный. Фигура у него еще ничего, а вот лицо откровенно пугающее. Грубое, жуткое. Давний шрам через всю щеку – уже не особо выделяющийся, но заметно перекосивший его лицо. Вывернутые наружу большие губы. Взгляд... да как у маньяка у Адама взгляд, тяжелый и напряженный. Волосы – темные, довольно длинные, чуть выющиеся на концах, иногда Адам забирал их сзади в хвост. А что может быть непривлекательнее мужского хвоста?

Наверное, еще кое-что, но вот это самое «кое-что» меня тоже не особо устраивало, конкретно – своей избыточностью в длину, поэтому нам во время свиданий приходилось использовать так называемый ограничитель. Нечто вроде резинового бублика, сокращавшего длину «достоинства» Адама.

– Время... – невнятно, хрипло произнес Адам. Отстранил меня, принялся расстегивать прыгающими пальцами всякие «молнии» и пуговицы на своей одежде. До конца раздеваться не стал – там приспустил, здесь приподнял. Затем лег спиной на скамейку, ногами в ботинках сорок пятого размера достал до входной двери, уперся в нее.

«Одинокий небоскреб посреди пустынной равнины... – глядя на Адама, с сарказмом подумала я, потом спохватилась: – И почему мне вечно лезет в голову разная ерунда?! Так, а где наш «бублик»?» А вон он, тут же, на комод, вместе с пачками салфеток, специальным гелем для смазки...

«Бублик» я торжественно водрузила на «достоинство» Адама, словно устанавливая нижнюю часть детской пирамидки, затем перекинула ногу сверху.

Адам зажмурился, застонал, когда я потихоньку стала опускаться на него. Как это бесило меня, все эти его звуки, которые он издавал. Как меня сейчас раздражало его лицо, и без того странное, а тут еще и перекошенное страстью. Он – настоящий Квазимодо.

– Тише, пожалуйста, – прошипела я.

Я ненавидела себя за то, что я с ним, за то, что я сейчас делаю, и то, как я это делаю и где делаю. Не в постели, а в прихожей, причем мой любовник в башмаках и не раздетый до конца – потому что на счету каждая минута.

Наверное, нечто подобное чувствуют люди с лишним весом и проблемами со здоровьем, когда, махнув на все рукой, поедают всякую бесполезную еду. Это ужасно, но прекратить почему-то невозможно. И человек остервенело ест, ест, заталкивает в себя еду, не в силах остановиться... Мои ощущения, судя по всему, из этой же оперы.

Все плохо, все отвратительно. Но мне именно этого и надо. И уже нечего стесняться и стыдиться. Да и Адама я не люблю, он меня совершенно не волнует, поэтому можно расслабиться и, стиснув зубы, извиваться на нем, и уж лучше я буду это делать, чем Адам. Потому

что если он вздумает залезть на меня сверху и начнет тут всерьез двигаться, то разгромит всю мою прихожую... Случалось уже такое. Недаром эту скамейку именно он сюда и притащил, поскольку на счету Адама – сломанные диван и банкетка.

Адам, конечно, старался молчать, да и я тоже... Вдруг там, под дверью, на лестничной площадке, соседи стоят у лифта? Не хотелось бы становиться объектом сплетен.

Поэтому лишь изредка мы с Адамом перекидывались короткими фразами, междометиями – о том, быстрее или медленнее надо двигаться, скоро ли финал и все такое. Вот тут у нас все с ним совпадало, тут мы могли работать командой и хоть как-то взаимодействовать.

– Не сейчас, – командовала я, ерзая на нем.

– Тогда... медленнее, – попытался придержать он меня рукой.

– Здесь! Вот так! – сквозь зубы сказала я и прижала его шершавые ладони к своей груди. –

Двигай слегка по кругу.

– Нет. Да... – прошептал он одними губами.

– Да... – выдавила я из себя. – Сейчас. Да-а...

Вот ради этих мгновений все и затевалось. Мы подошли к финалу одновременно.

Адам уже не мог удержаться от глухого рычания, поэтому я прикрыла ему рот ладонью.

Воцарилась плотная тишина, полная последних содроганий, попыток догнать уже ускользающие ощущения. Но в какой-то момент пришло осознание – все, точка. Больше уже ничего не поймать.

Я выдохнула, пару секунд еще помедлила, затем осторожно слезла с Адама и сразу потянулась за салфетками. Как в нем много этой жидкости, тоже избыточно много, какой-то немислимый перебор. И Адам щедро забрасывает вот это все в меня, и как это тоже неприятно, потому что потом оно течет по ногам и щекочет кожу на внутренней поверхности бедер. И пахнет – совсем не духами.

В кармане толстовки Адама запел, затрепыхался телефон.

– Да иду я, иду, – пробормотал Адам. – Это Виктор, он внизу меня ждет, в машине. До пробок нам надо успеть на склад заехать.

Адам поднялся со скамейки, тоже потянулся за влажными салфетками. Времени принять душ у него не было, поэтому специальные салфетки очень выручали во время этих быстрых свиданий, когда каждая минута на счету.

«Бублик» Адам положил на поднос рядом. Я потом его вымою и положу обратно в ящик.

Адам, морщась и гримасничая, усердно вытирал себя салфетками и бросал их в корзину.

– Могу приехать на следующей неделе, – сообщил он, расправившись с салфетками; подтянул джинсы, которые стреноживали его ноги в районе щиколоток. Застегнул молнию, шелкнул металлической пряжкой на ремне. Одернул футболку, затем расправил толстовку, что была накинута у него поверх футболки.

Я взглянула на настенные часы – в десять минут мы не уложились. Свидание заняло семнадцать минут. Даже восемнадцать...

– Я могу приехать в следующую среду, – своим низким, рокочущим, горловым голосом опять произнес Адам. Даже не произнес, а пророкотал.

– Тише... Нет, у меня дела.

– Какие еще дела? А, понял. Ладно, тогда еще через неделю. Блин, Птен, я каждый раз умираю, почему так долго... Все, пока, до встречи. – Он поцеловал меня. – Пока, Птен!

Я заковыляла за ним (ноги как-то свело после этих «скачек»), закрыла дверь на все замки и направилась в ванную комнату. Кое-как заколола волосы на макушке, затем полезла под душ.

Пожалуй, мой день начался именно с этого момента. Когда я смывала с себя всякое напоминание об Адаме, его запахе, вообще о сегодняшнем свидании.

Пока стояла под теплыми, расслабляющими струями воды, ноги у меня перестали подкашиваться и ныть.

Адама больше не было, а осталась лишь я – чистая, легкая, спокойная. Пустая, как будто звонкая. В состоянии отзываться и реагировать на сигналы, идущие от окружающего мира; способная думать и двигаться, и жить дальше эту жизнь, но уже без мучительных терзаний. Какое-то время можно продержаться – до следующего приступа меланхолии.

В принципе, Адам не так уж и плох, зря я на него злюсь. Да, он любовник, а не любимый, я его едва терплю, но то, чего я жду от него, он делает хорошо. Вернее, у нас с ним – получается, и получается именно то, чего я хочу.

А поначалу, когда мы только познакомились с Адамом, все выглядело не столь радужно. Адам тогда мне признался, что буквально на стену лезет без женщины, а я... ну а мне как-то неудобно уже было оставаться девственницей.

В первые раза два или даже три (точно уже не помню) у нас с Адамом вообще ничего не вышло, мы только промучились, и без всякого результата. Я даже думала, что со мной не все в порядке и у меня какая-то редкая аномалия, делающая невозможным проникновение внутрь.

А потом вдруг получилось, но мне было страшно некомфортно – до тех пор, пока Адам не озаботился о приобретении специального ограничителя. И вроде бы уже все пошло на лад, но тут я стала бояться, что могу забеременеть, несмотря даже на то, что Адам пользовался презервативами. (И мне они не нравились, вот честно, какими бы незаметными их ни старался делать производитель.)

Я решила, что мне нужны еще, в качестве дополнительной защиты, гормональные контрацептивы...

Но от них у меня неожиданно началась такая депрессия, такие перепады настроения, что я себя не узнавала. Я перепробовала несколько видов таблеток (не сама их себе назначала, конечно, все обсуждали с врачом), но, на удивление, ни одни мне не подошли. Мой организм реагировал на лекарства очень странно – то перепадами настроения, то рвотой, то головными болями. Либи́до у меня на тот момент пропало совсем – это оказалось побочным эффектом таблеток. Кроме того, выяснилось, что таблетки повышают у меня свертываемость крови, которая может привести к очень нехорошим последствиям. А хуже всего было то, что приходилось постоянно помнить о времени их приема, и тут мне никакие «напоминалки» не помогали. Я бесилась, я чувствовала себя несвободной – с этой вечной привязкой ко времени.

Это был не мой способ предохранения, короче, я даже сменила врача.

Мы с ней, с новым врачом, решили попробовать спираль. Внутриматочную спираль нерожавшим не ставят – это опасно, много противопоказаний и тоже возможны очень неприятные последствия. И другой момент – спираль не спасает от заражения всякими нехорошими болезнями.

Но противопоказаний для установки спирали у меня не оказалось (сдала кучу анализов, провела диагностику – УЗИ и прочие исследования), а заразиться чем-либо я не боялась, поскольку у нас с Адамом с самого начала имелась договоренность – никаких других параллельных отношений, ни с кем. Мы даже анализы дружно сдали перед тем, как начать серьезно встречаться. Мы оба были чисты и знали об этом.

К счастью, мой организм воспринял спираль спокойно, не отторг ее, как часто бывает, особенно у нерожавших.

Словом, после довольно долгих мучений у нас с Адамом все наладилось. И даже вечная занятость Адама не являлась препятствием для наших отношений. А что такого, у нас с ним секс онли и никакой романтики. Нам не нужны совместные прогулки, походы в кафе, говорить нам с Адамом было не о чем, так что быстрые встречи раз или два в неделю нас вполне устраивали.

В нежности, заботе и утешениях я не нуждалась.

Я – неласковая, надо честно признать.

Я терпеть не могу, когда со мной сюсюкают и в прямом и переносном смысле пытаются взять «на ручки». Командовать мной невозможно, а подстраиваться под другого человека я не в состоянии.

Я люблю быть одна, я испытываю наслаждение от уединения. И да, мне требуется иногда разрядка, вот для таких случаев мне и нужен Адам.

Адам – он, в общем, хороший, повторю. Это мы удачно друг друга нашли. Он весь в работе, в семейном бизнесе, а я одиночка по жизни. Я ему верю, а он верит мне, поскольку мы с ним хотим одного – заниматься сексом, получая только наслаждение и не беспокоясь о последствиях.

Адам нравится мне как партнер, но как человек он меня тоже не устраивает.

Наши с ним отношения – это только про физиологию. Мы люди, но, к сожалению, в нас осталось немного от животного. Совсем немного. Но оно осталось. Процентом десять. И чтобы оно, это животное, не захватило нас полностью, не стало нами управлять, мы с Адамом и встречались. Чтобы остальные девяносто процентов нашей жизни мы смогли провести людьми. Наши с ним встречи – для того, чтобы немного утихомирить в себе это грубое, звериное начало.

Мне на данный момент исполнилось двадцать девять лет, Адаму – тридцать один. Наверное, рано или поздно он захочет жениться. Найдет себе подходящую девушку и расстанется со мной.

Я бы тоже хотела найти свою настоящую любовь. Быть может, мне повезет, и я встречу человека, рядом с которым я почувствую себя счастливой. Я, конечно, одиночка, но не настолько. Когда-нибудь, когда-нибудь – все может случиться. Найду еще кого-нибудь, способного заменить Адама. Кого-нибудь, кого-нибудь...

Ну а если ничего не случится и я так и останусь одна, то я из этого не стану делать трагедии.

Я вышла из ванной свежей, спокойной, в умиротворенном настроении. Меня уже не волновала наступившая осень с ее холодами, отступили все переживания, и воспоминания о прошлом больше не преследовали меня, я жила сегодняшним днем.

Кто сказал, что после соития всякий зверь печален? А я уже не зверь. Я человек и на время избавилась от этой дикой, древней тоски, я вовсе не печальна и в состоянии думать о «высоких материях».

... Чайник вскипел, и я заварила кофе в чашке. Его так и продавали, с маркировкой «кофе в чашке». Кофе в чашке – это компромисс между растворимым кофе и тем кофе, который считают настоящим и готовят по особому ритуалу, в турке, например. Или доверяют его приготовление кофемашине.

С туркой мне было лень возиться, такие проблемы всегда с ней – счет на секунды, когда готовишь кофе, а еще надо быть внимательной и отрешенной, пока стоишь у плиты и наблюдаешь за поднимающейся пенкой... Нет, нет, слишком много сложностей.

Доверить приготовление напитка кухонному гаджету? А хорошая кофемашина – вещь недешевая. Сложная. Ее придется выбирать, покупать, заказывать доставку на дом, с ней придется что-то делать, как-то ухаживать за ней, чинить, чистить и все такое... Да, чтобы приготовить вкусный кофе, надо лишь нажать кнопку, но как же остальные хлопоты (обслуживание, уход), почему их никто не хочет замечать? Мне, с моим характером, эта возня *вокруг* кофемашины тоже казалась лишней тратой времени и душевных сил.

У меня приживались не все гаджеты, обычно происходило так: я покупала их, пользовалась пару раз, а потом они стояли без дела. А я этого не люблю, когда пространство чем-то загромождено. Поэтому я либо выносила свои неприжившиеся гаджеты к помойке, ставила рядом, на постамент от ограды – аккуратно упакованными, с запиской «можно пользоваться» (утаскивали чуть ли не мгновенно), либо отдавала вещи подругам. Продать ненужное – на интернет-площадке, где распродают вещи, бывшие в употреблении? Нет. Ведь тогда при-

дется как-то контактировать с покупателями. С людьми, то есть. А я интроверт, мне общение с незнакомцами, да еще не всегда приятными, давалось очень тяжело.

Поля с Вандой охотно забрали у меня когда-то соковыжималку, хлебопечку и мультиварку. А также миксер, блендер, чудо-терку и что-то там еще, уже не помню... Потому что готовить мне было совершенно неинтересно. Я жила одна, мне хватало малого – йогурта, какого-нибудь творожка, пакетика с нарезанным салатом, который даже не надо мыть... Я варила суп из замороженных овощей, из уже готового набора. Иногда заказывала доставку готовых блюд на дом, в Москве это можно сделать без проблем. И по деньгам выходило дешевле, кстати, и время не тратилось – на походы по магазинам, покупку продуктов, которые надо принести домой, помыть, порезать, потом стоять у плиты. Потом мыть посуду, все эти тарелки-сковородки, воду тратить еще...

Когда техника в очередной раз подорожала, причем перейдя какую-то критическую (именно для меня) черту, то вопрос о кофемашине окончательно потерял актуальность.

Во время своих прогулок я иногда перекусывала в недорогих кафе. Чисто формально, чтобы заполнить желудок.

Еда как таковая не особо меня волновала, но чтобы полакомиться, насладиться именно вкусом пищи – я еще покупала изредка молочную шоколадку и нарезку своей любимой пастромы – нежной, без жира, не пересоленной, с коротким сроком хранения... Еще покупала иногда сухофрукты (инжир, финики, чернослив) в одном проверенном магазинчике, летом любила съесть вместо обеда мороженое (я предпочитала пломбир и так называемый фруктовый лед).

Ванда с Полей осторожно намекали, что я себя уморю таким питанием, что покупные творожки и фастфуд меня доконают рано или поздно, на что я всегда возражала подругам – сейчас, при нынешней экологии, *все* бесполезное, даже то, что готовишь сам. Но лучше об этом не думать, поскольку от депрессивных мыслей любая, даже самая здоровая еда превращается в яд.

На это Ванда с Полей не могли ничего мне возразить. Они честно признавали, что я со своим странным образом жизни и питания почему-то выгляжу лучше и свежее их. И моложе. Кожа у меня как у младенца, а волосы – как у дам на старинных картинах.

Да, волосы у меня хорошие – очень густые, немного вьющиеся и длинные, ниже талии.

Я думала, что они у меня вылезут после вирусной инфекции, напоминающей простуду, – она случилась со мной пару лет назад. Но нет, волосы после нее не вылезли, что удивительно, не поредели даже особо. Я перенесла нападение того вируса легко, в отличие от моих родителей, у них простуда перешла в воспаление легких...

Впрочем, нет, лучше не думать об этом, не думать, не вспоминать, нет, нет, нет. Иначе придется опять звать Адама. Для «лечения». А он не всегда может приехать; в иных случаях и вовсе он зовет к себе, в Подмоскowie.

Не к себе домой, конечно... Хотя там у них, у Громовых, как я поняла, большой участок, свой дом (да и не один дом вроде), еще какие-то постройки, кузница, баня и прочее... И толпы народа там.

И тут, представьте, вдруг туда являюсь я! Я, которая ни подруга, ни невеста Адаму... ага, на часик просто к нему решила заглянуть, заперлась с ним в его комнате. Ой, нет (тут смайлик в конце строки – шокированно хватается за голову и разевает в неслышном крике рот).

К тому же Адам меня к себе и не приглашал никогда... Мы с Адамом встречались в гостинице, она находилась километрах в трех от его дома, от «усадьбы» Громовых.

Первое время нашего знакомства мы с ним только там и виделись, в гостинице, потом, когда у меня изменилась, перевернулась с ног на голову вся жизнь, Адам уже смог приезжать ко мне в город.

... Я сидела перед ноутбуком на кухне, пила кофе и ела йогурт со вкусом пломбира. Просматривала новости, которые были подобраны по моему вкусу. Читала статьи об искусстве – книгах, кино... разделы, посвященные психологии, тоже мне всегда нравились.

Затем, покончив с завтраком, я всерьез взялась за свой блог, там с раннего утра уже висел в открытом доступе один мой отложенный пост.

Если коротко, то я занималась чем-то вроде редактирования текстов. А еще писала рецензии на прочитанные книги и просмотренные фильмы. Делала я все это без фанатизма, не пропадала в соцсетях часами и днями, а возилась с этим всем только в свое удовольствие. За редактирование писатели мне платили денежку. Можно считать это занятие работой или нет? Не знаю. За месяц набегало... ну сколько... Сумма, примерно равная минимальной пенсии.

Прожить на нее было очень сложно, но у меня имелся еще один доход, пассивный. Я сдавала квартиру, которая когда-то принадлежала моей покойной бабушке. Это была тоже небольшая сумма, но если ее сложить с моей подработкой, то на скромную жизнь уже вполне хватало.

Я не нищая безработная, я просто вынуждена постоянно поджиматься, что ли. Именно поэтому я старалась экономить, чтобы не растерять свои небольшие сбережения.

Хотя кое-кто, наверное, счел бы, что я богатая, раз могу не работать с утра до вечера и делать что хочу, ведь у меня есть «подушка безопасности» в виде сдающейся квартиры. Я же, получается, рантие! Счастливица! Везучая!

И никто не хотел знать о том, что я охотно отдала бы все эти «богатства» за то, чтобы вернуть свою прежнюю жизнь...

Впрочем, нет, не буду об этом.

... На экране выскочило уведомление – это пришло сообщение от Кирилла Казимова. Кирилл – мой френд, мы с ним познакомились в одной группе, где собирались любители литературы, в основном начинающие писатели. Я там искала клиентов. Ну как искала, специально я никогда ничего не делала, просто сидела в группе и болтала там, иногда постила свои мысли и замечания. На тему – как надо писать, как не надо писать... К моим высказываниям прислушивались, считали их интересными, иногда спорили. Люди охотно предлагали зафрендиться, переходили на мою страницу в соцсетях, а уж там черным по белому было указано – исправляю уже готовые тексты. Быстро, недорого, недовольным возвращаю деньги, но могу и отказаться от работы, если мне покажется, что я не справлюсь с заданием. Если все же согласитесь с моими правками, пожалуйста, тисните потом у себя на страничке отзыв обо мне. Что помогла вам и все такое.

Поначалу заказов было маловато, но потом дело наладилось, и я стала довольно известной в узких кругах (тут опять улыбающийся смайлик). А после того как в результате моих консультаций двух начинающих авторов опубликовало в бумаге крупное издательство, и они, эти авторы, публично поблагодарили меня, я стала считаться в нашей книжной сети весьма серьезным специалистом.

Нет, я не подчищала чужие тексты, не сидела с лупой над каждой буквой, не правила – грамматику, синтаксис, стиль и т. п. Моя работа заключалась в том, что я читала чужой текст и высказывала к нему всего одну или две существенные претензии. Всё. Я была кем-то вроде врача, к которому приходит больной, ожидая услышать диагноз. Как правило, диагноз один. Как и лекарство, которое доктор выписывает больному в конце визита...

В общем, у меня и ник в Сети был такой – «Доктор Текст». Мою деятельность можно было назвать еще литературным траблшутингом... Когда приходится искать главную причину того, почему текст оказался неудачным. Если найти ее, эту причину, и найти способ исправить ее (тоже та еще задачка!), то все остальное написанное начинает налаживаться, причем как будто автоматически.

Траблшутинг – модное направление во многих областях человеческой жизни. В психологии, в бизнесе. Да везде. Во всем, что не получается, можно найти одну, *главную*, причину, из-за которой вдруг начинает тормозить весь процесс. Как следует поразмыслив, можно понять, по какой причине не клеится дело или почему преследуют неудачи в личной жизни... Причем сам человек обычно не замечает, в чем его проблема (лицом к лицу лица не увидать), а вот со стороны это порой очевидно. То же самое и с текстами.

Иногда проблема исправлению не подлежала, вот хоть что тут делай. В моем случае, если дело касалось литературы – это когда текст написан настолько плохо, что мне было проще отказаться от задания. И я отказывалась, мягко формулируя – ваш текст, дорогой автор, слишком сложен для меня, я не справлюсь...

Я, кстати, и налоги платила – и со своей редакторской подработки, и как квартиросдатчица. Писатели и квартиросъемщики перечисляли на мой счет деньги, а я с помощью специальной программы делала уже отчисления государству.

Я очень не хотела, чтобы какая-то из служб обратила бы на меня внимание и принялась бы «трясти». У меня такой характер – уж лучше сразу заплатить, чем нервничать потом всю дорогу. Спокойствие – оно тоже денег стоит. Нет, совсем от проблем соблюдение правил меня не избавляло, но чисто психологически это как-то облегчало мое существование... Я везде и во всем старалась следовать закону, и даже в личной переписке вела себя очень сдержанно, ни с кем не спорила лишний раз. Ни с государством, ни с людьми. У меня просто не хватало на все это сил.

Итак, сообщение от Кирилла Казимова:

«Лиза, привет! Получил на днях твою рецензию на свой роман. Признаюсь, испытал шок, едва сдержался, чтобы не вывалить сразу на тебя свое возмущение... А затем сделал все так, как ты советовала, и опять испытал шок. Я, как ты указала, поменял местами начало и концовку своего романа, и он вдруг заиграл. Это гениально. Гениально просто! Я уже махнул рукой на свой текст, думал, что ничего больше не смогу в нем исправить. Считал себя графоманом, а ты так легко, даже играючи, изменила все... восстановила гармонию!»

«Кирилл, привет! – улыбаясь, написала я ему ответ. – Очень рада, что смогла помочь тебе!»

«Деньги я тебе сейчас перечислю, отзыв на твою работу опубликую уже сегодня. И очень хочу пригласить тебя в кафе. Что ты делаешь на следующей неделе?»

«Кирилл, спасибо, но это лишнее. Я не встречаюсь в реале со своими клиентами».

«Нет, не думай, что я к тебе подкатываю, тем более я не знаю, как ты выглядишь, и сколько тебе лет, и каково твое семейное положение. С моей стороны это просто желание встретиться с умным и понимающим человеком...»

Далее Кирилл принялся меня восхвалять, что, не скрою, очень взбудоражило меня. Мы с ним этим утром довольно долго переписывались. Кирилл был очень мил, грубостей и глупостей от него не исходило вообще, ни сейчас, ни раньше, если вспомнить... Фотографий себя, любимого, он мне не слал, о своей жизни особо не распространялся – то есть он был каким-то *нормальным*, что ли. А ведь я насмотрелась в Сети всякого, сколько раз какие-то мужчины присылали мне так называемые дикпикси – то есть фотографии своего «достоинства». Вот о чем эти мужчины думали, делая подобные рассылки? От этих фото только стошнить могло.

Нет, Кирилл был не таким совсем. О себе рассказал только, что ему тридцать пять лет, он в разводе, детей нет.

Я никому особо не верила в интернете. И сроду ни с кем не встречалась в реале – из тех, с кем познакомилась в вирте. Но Кирилл чем-то мне нравился.

Хотя я знаю чем. С ним было интересно. С ним можно было *говорить*. Мы и до того довольно часто общались с ним в группе, а тут он словно раскрылся весь. Еще он так польстил мне...

И я согласилась встретиться с Кириллом на следующей неделе. В реале.

...Вечером в пятницу – девичник, как всегда. Этот вечер принадлежал нам троим – мне, Ванде и Поле, повелось еще с институтских времен (мы когда-то учились вместе).

Раньше мы собирались с подругами в кафе, но теперь наши сборища проходили у меня дома. Так удобнее и дешевле. Почему собирались именно у меня? У Поли дома – родители, у Ванды – муж Арсений, особо и не поболтаешь при них. А мы с подругами привыкли откровенничать. Свободно и спокойно это можно было делать только у меня, поскольку я жила одна.

У нас троих – меня, Поли и Ванды – была какая-то странная дружба. И дело даже не в той степени откровенности, что мы позволяли себе во время своих посиделок.

А странность заключалась в том, что мы и не являлись подругами. Мы сами решили называть себя приятельницами. Быть может, потому, что слишком трепетно относились к дружбе, не хотели поминать ее всуе.

Мы дали зарок быть свободными от тех обязанностей, которые налагает на человека дружба. Во-первых, потому, что нельзя использовать других – в помощь себе или в утешение. Сейчас появилось много способов решить свои проблемы, не прибегая к дружеским услугам.

Это раньше люди выживали за счет того, что «ты – мне, я – тебе». У друзей занимали деньги, пользовались их машинами и связями...

Сейчас же использовать друзей подобным образом просто неприлично. Ведь возникло множество служб, которые решали любую проблему. Деньги теперь можно было взять в долг у банка, при переезде на другую жилплощадь – заказать такси и грузчиков (а не заставлять друзей таскать тяжести); с душевной травмой обратиться к психотерапевту-профессионалу (а не вытягивать сочувствие и советы у подруг). Словом, время людей, готовых на любые жертвы ради друзей, безвозвратно прошло. Время доноров энергии тоже закончилось.

У современного человека почти не осталось сил и ресурсов, не лучше ли позаботиться о самом себе?

Нет, это не значило, что мы – я, Поля и Ванда – не бросились бы на помощь друг другу в случае форс-мажора, что мы не испытывали чувства привязанности и даже любви друг к другу... Но мы понимали, что потеряли прежний мир со всеми этими привычными связями – вроде того, который показывали в старом сериале «Друзья».

Я это поняла первой. Когда сначала ушла из жизни моя бабушка (возраст, хроническая болезнь), а потом мои родители умерли от воспаления легких. Внезапно и практически одновременно. Я-то выкарабкалась из той вирусной простуды без проблем и последствий, а вот они, папа и мама... у них болезнь перешла в бактериальную стадию, им не помогли даже антибиотики и искусственная вентиляция легких.

Я испытала в те черные дни такое, такое... Я бы отравила своим горем, как цианистым калием, все живые души вокруг. Я не захотела втягивать своих любимых девочек в этот круг отчаяния. Я и Адаму не особо рассказывала о своих переживаниях, ни к чему это.

На время я попросила всех отстраниться, не беспокоить меня. Я не хотела ничьей помощи, я не собиралась грузить кого-то своими заботами и не ждала, чтобы окружающие рыдали вместе со мной.

Я милосердно освободила всех от горюющей себя.

Несколько месяцев после похорон папы и мамы я практически в одиночестве давилась своей тоской, захлебывалась ею, никому не позволяя слишком к себе приблизиться. Только поверхностное, только короткое общение... Это длилось до тех пор, пока я наконец не справилась со своим горем.

Конечно, Поля с Вандой звонили мне регулярно в тот печальный для меня период, писали, даже пытались приехать как-то (но я не пустила их тогда к себе, сделала вид, что меня нет дома), но они поняли, они все поняли, мои девочки.

Адам что-то такое тоже пытался мне высказать... Что он сочувствует мне и даже готов временно поселиться со мной, у меня. Но я быстро поставила его на место.

Он в тот период приезжал ко мне, молча занимался со мной сексом, потом так же молча уезжал. Это были мои условия. Он тоже их принял, он с ними смирился, ну и молодец, спасибо ему за это.

...На девичниках принято пить вино, но мы с моими подружками-приятельницами вино игнорировали. Хорошее вино – оно нынче дорогое. Уж лучше тогда дорогое пиво, чем дешевое вино (шанс нарваться на подделку меньше), но и тут засада – Ванда терпеть не могла пиво. В общем, мы на своих девичниках довольствовались коктейлями, обычно на основе вермута, с тоником и соком. Сильно не напьешься, но какой-то эффект есть.

Закуски – нарезки из нескольких видов колбас и сыра. Консервы с маслинами и оливками. Стоимость купленного мы делили на троих, причем не поровну, а сбрасывая десять процентов тому, кто это все приобрел и принес. Доставка же тоже стоит денег, между прочим.

В этот раз пакеты из магазина притащила Поля – ей, от ее трети, сбросили десять процентов, а эту сумму поделили на нас с Вандой, пополам.

Никаких дополнительных «вкусняшек» и милых сувенирчиков приносить на эти встречи не полагалось. Мы все раз и навсегда отказались от взаимных сувениров и подарков, даже на дни рождения ничего не дарили друг другу. Дорого по нынешним временам, да и все равно не угадаешь; не исключено, что подарок станет очередным пылящимся хламом. Опять же искать эти подарки в магазинах, выбирать, потом тащить на себе либо ждать доставку и прочее – это все хоть и приятные, но бессмысленные хлопоты.

Словом, мы освободили себя от этого ритуала взаимного одаривания. Так, без ненужных презентов и сувениров, честнее и проще. Нечего планету захламлять лишним мусором. Да, иногда мы с девочками отдавали друг другу что-то ненужное, вот как я свои кухонные гаджеты, но это подарком не считалось, а называлось в нашем девичьем кругу сурово – «избавлением от хлама».

Ни объятий, ни поцелуев при встрече мы себе не позволяли. Зачем, мы же и так рады друг другу. И вообще это такое лицемерие, все эти поцелуйчики да радостные вскрики при встрече. Те, кто больше и активнее лобызается и причитает, те потом и ссорятся громче, это известный факт.

– У меня свидание на следующей неделе, – немедленно призналась я, когда мы с Вандой и Полей наконец расположились за раскладным столом в одной из двух моих комнат, гордо носившей название «гостиной».

– С кем? С Адамом? У вас с ним все стало по-серьезному? – удивилась Поля. Когда она удивлялась, то поднимала брови, а ее глаза (светло-голубые, прозрачные) делались круглыми, и она становилась окончательно похожей на куколку. Правда, немного потрепанную жизнью куколку, иначе откуда тогда эти складки у губ и тени у глаз? У Поли – светлые, довольно жидкие волосы, прическа – каре до плеч. Одевалась Поля всегда в водолазки «под горло» и в юбки в складку, расцветки «шотландская клетка». Поля, на мой взгляд, была очень хорошенькой, очень трогательной. И голос у нее – тоненький и очень жалостный. Кстати, на Полю тоже всегда оглядывались, когда она громко произносила что-либо в толпе.

– Нет, – торжественно заявила я. – Не с Адамом. Я собираюсь встретиться с другим мужчиной. Правда, может, и передумаю еще. И не пойду никуда.

– У тебя свидание? Ого, – одобрительно произнесла Ванда. Она у нас сегодня была барменом – наливала напитки. Ванда – с черными, блестящими прямыми волосами до плеч, крепкая и тоже красивая, ее, мне кажется, не портили даже следы от подростковых угрей на лице, пусть и щедро замазанные тональным кремом. Ванда одевалась всегда в черное, она считала, что ей идет только этот цвет. – Ну, за нас, девочки!

Мы чокнулись, отпили из бокалов.

– А кто он, Лиза? – спросила Ванда, отдирая пленку от упаковки с нарезкой сыра.

– Я его не видела. Мы общались только в Сети. Но мы давно общаемся! Года два уже, наверное, – попыталась вспомнить я. – Зовут его Кириллом. Он юрист вроде, в свободное время пишет романы. Один из них дал мне на редактирование... я ему кое-что посоветовала, и он согласился с моим советом. Поблагодарил. Принялся хвалить меня. А мне это польстило, чего врать-то. Словом, Кирилл на радостях решил узнать меня поближе, а я не стала противиться...

– А как же Адам? – опять сделала круглые глаза Поля.

– Я так понимаю, Адам Лизе никто, – пожала плечами Ванда.

– Нет, но у вас же с ним договоренность, я помню, ты рассказывала сама... – обращаясь ко мне, пробормотала Поля. – Чтобы – ни с кем больше, а если вдруг замаячили на стороне какие-то новые отношения, то надо предупредить постоянного партнера и сразу же с ним расстаться.

– Я не собираюсь ложиться с Кириллом в первый же день в постель, – возразила я. – И это глупо – заранее думать о романтике и о том, как бы построить новые отношения с новым человеком. Кирилл просто хочет пообщаться со мной в реале. Он же тоже меня не видел, не знает, кто я, какая я... На аватарке у меня только лисичка изображена, ник – «Доктор Текст», в профайле одно имя – Лиза, ну и все. Свои фото я никуда не выкладывала. Он даже голос мой не слышал, мы только переписку вели. Может, я старая толстая тетушка, и у меня уже внуки... Я ему не как женщина интересна, а как человек, это же очевидно.

– А что, по контенту, который человек выкладывает у себя в блоге, разве нельзя влюбиться? – не согласилась Ванда. – Ты сама говорила, что Кириллу нравится, что ты там у себя на своей страничке постишь, какими идеями делишься со всеми. Твои литературные советы ему пришлись по душе! Вот, послушайте, теперь моя тайна, – Ванда зачем-то понизила голос. – У меня «в друзьях», в соцсети, есть один мужчина. Так вот, он выкладывает такие ролики, такие картинки и фото у себя на странице... какие я бы сама выложила. Я просматриваю его ленту и понимаю, что это все – мое. Этого мужчину волнует то же, что и меня, он восхищается теми же вещами...

– Влюбиться в человека «по контенту»? – округлив опять глаза, засмеялась Поля. – Это что-то новенькое!

– Цивилизация не стоит на месте, – усмехнулась Ванда. – Поводов для романтики все больше! Нет, если серьезно – я не собираюсь заводить отношения с этим своим френдом в соцсетях, мне моего Арсения с лихвой хватает. Но я вот о чем, Лиза. Кирилл уже заранее к тебе расположен. Ты ему нравишься, ему с тобой интересно. И вот представь, что произойдет, когда он увидит тебя в реале... Он в тебя однозначно влюбится. Ты же прехорошенькая, как говорили раньше.

– Я очень специфическая, – возразила я и рукой с зажатым в ней бокалом обвела комнату, призывая обратить внимание на ее интерьер. А интерьер был весьма своеобразным – складные стулья, складной стол, тканевый хлипкий гардероб на «молнии» – без одежды и вещей он почти ничего не весил.

Словом, моя мебель – это мебель на время съема чужой квартиры или на время переезда, которая нужна лишь для того, чтобы все распахать на скорую руку, не тратясь на покупку чего-то основательного. Прежнюю обстановку я выкинула – все эти вещи напоминали о родителях... Больно.

Ну и заодно убираться теперь мне стало проще. Я так ненавидела уборку, что решила максимально облегчить ее. Время от времени, уходя на прогулку, я просто ставила все эти мебельные конструкции в сложенном виде у стены, а затем запускала робот-пылесос елозить по полу (именно этот гаджет у меня как раз и прижился). И все.

– Ты не специфическая, ты... – Ванда нахмурила брови, подбирая выражение. – Ты... ты немножко сломалась, и потому ты такая... необычная. Ты травмированная.

– Ты про то, что все мои родные ушли из жизни... – Сморщилась я.

– Если ты против, то я не буду! Я уже молчу! – воскликнула Ванда.

– Нет, об этом уже можно говорить, не молчи, – сказала я. – Но дело в другом. Я изначально была какой-то неправильной, а уход моих близких только усилил все. Из меня стало вырываться то, что таилось во мне и раньше, просто до поры до времени незаметное... Блин, девочки! – взорвалась я. – Никогда не скрывайте от своих детей реальную жизнь, не растите их под колпаком, оградив от всех жизненных неурядиц и проблем!

– У нас нет детей, – испуганно улыбнулась Поля.

– Ну, я на будущее, – пояснила я. – Потому что рано или поздно, но ребенок все равно столкнется с реалиями этого мира, к которым он совершенно не готов! Папа и мама ограждали меня от всего... Они ни разу, представьте, ни разу не брали меня с собой на похороны, потому что думали, что ребенка (меня) это может травмировать. Когда умерла прабабушка, когда не стало папиной мамы, моей бабушки... Меня не взяли на их похороны, хотя я во время кончины бабули была уже взрослой, совершеннолетней, мне в наследство пришлось потом вступать (бабуля же все завещала только мне, по общему соглашению), но папа с мамой меня водили за ручку тогда по всем инстанциям.

– Родители тебя берегли, – опустив глаза, мрачно произнесла Ванда.

– Да. Да! Но лучше бы они этого не делали. Лучше, как раньше было – когда дети варились в одном котле со взрослыми, с самых малых лет наблюдали смерти, рождения и ничего особенно страшного в этом не видели. Это жизнь! Даже смерть – это тоже часть жизни, к этому надо быть готовым. Отчего сейчас многие сделались чайлдфри? Да оттого, что уже непривычно рожать и растить детей. И смерть – да, это ужасное явление, но в наше время она вообще воспринимается как конец света и гибель мира.

– Лиза, Лиза, перестань, успокойся, – жалобно воскликнула Поля.

– Нет, дай сказать, – помотала я головой. – И вот я, нежное растение из оранжереи – я! – вдруг сталкиваюсь со смертью своих самых близких людей. Я была совершенно не готова к этому. Я сама... я сама собиралась всерьез расстаться с жизнью... ну, вы понимаете, – не договорила я.

– Ты обвиняешь своих родителей? – усмехнулась Ванда, глядя в свой опустевший стакан.

– Нет. Я их люблю. Я их бесконечно люблю. И люблю даже за то, что они так крылья надо мной распускали... И речи нет о том, что я их в чем-то обвиняю. Я о том, что люди становятся все слабее и беспомощней, они теперь невыносимо страдают от всевозможных мелких напастей и неприятностей, а настоящие трагедии – они теперь вообще не в силах пережить.

– Мы поколение «снежинок», да. Мы слишком нежные! – вдруг горячо согласилась Поля. – Вандочка, ты не нальешь еще... Но, девочки, мне тоже страшно. Я тебя абсолютно понимаю, Лиза. Я такая же. Я как ты! И даже еще слабее.

– Ты о своих родителях? – улыбнулась я, чувствуя, как глаза щиплют слезы. – Ох, ты счастливая, Поля, они у тебя живые.

– Но они совершенно такие же, какими были твои родители, Лиза, – шепотом произнесла Поля, наблюдая за тем, как Ванда смешивает напитки в бокалах, затем бросает туда лед. – Они буквально трясутся надо мной. Я для них навечно маленькая девочка. Они дверь в мою комнату не позволяют мне закрывать – ни днем, ни ночью. У нас даже в туалете нет шпингалетов, потому что в три года я там случайно заперлась... А мне тридцать лет, и в моей жизни не было ничего. Я до сих пор девственница.

– И что? – возразила я. – Я же тебе рассказывала, как у нас все с Адамом происходило. Та же самая история.

– Но ты хоть нашла мужчину, которого уговорила на вот это все, а я и такого не встретила! – с отчаянием возразила Поля.

Меня почему-то царапнуло слово «уговорила». Я Адама не уговаривала... Он сам, все сам, мне осталось только согласиться на его предложение – стать сексуальными партнерами. Впрочем, проехали, зачем цепляться к Поле по мелочам?

– А ты этого хочешь, Поля? Встретить кого-то? – тем временем спросила Ванда. – Ну, за сбывчу мечт...

Мы чокнулись.

– Не знаю, – отпив из своего бокала, произнесла Поля задумчиво. – Хочу ли я быть с мужчиной? Я даже не могу этого представить. Как это – меня вдруг кто-то обнимает и делает со мной вот это все... – Поля не договорила, поставила бокал на стол, развела руками. Потом покраснела.

– То есть ты представляешь себя в виде объекта? – внезапно озарило меня. – Как будто ты сама по себе, а кто-то вокруг тебя хоромы водит? Совершает с тобой некое действие? Твоя роль, получается, чисто пассивная, ты просто решаешь – отзываться на ласки другого человека или нет?

– Нормальная женская роль, – хитро улыбнулась Ванда. – Даже традиционная. Но я понимаю тебя, Поля. В наше время женщина много чего должна, особенно мужчине и особенно в интимных отношениях с ним. Должна уметь многое, вон курсов сколько всяких открылось, где учат разным женским хитростям.

– Да, я об этом, – подумав, согласилась Поля. И оживилась. – Это похоже на то, как искать работу, делать карьеру – когда не хватает образования, опыта и знаний. Страшновато как-то. Стыдно опозориться. Показать неумехой, не пройти собеседование и испытательный срок.

Мы с Вандой переглянулись и захохотали. Поля тоже засмеялась. Ей явно стало легче после этого признания, как будто эти мысли ее давно мучили и не давали покоя.

– Надо еще и выглядеть соответственно, – продолжила Поля. – Внешность, одежда, макияж, белье, маникюр, педикюр, эпиляция и все такое... Нет, я слежу за собой изо всех сил, но вдруг я не безупречна? И вызову отвращение у своего избранника.

– Ты очень красивая и ухоженная, Поля! – возразила я. – А вот я – лентяйка. Мне все лень. Я даже профессиональный маникюр не делаю. – Я положила руки ладонями на стол. То же самое сделали Поля и Ванда.

У меня были короткие ногти без всякого покрытия, у Ванды – роскошные, совершенные по форме длинные накладные ногти брусничного цвета, у Поли перламутрово-бежевый лак поверх собственных аккуратных ноготков.

– Ты совсем маникюр не делаешь? – с интересом спросила Ванда меня. – В том, профессиональном, смысле...

– Совсем. В салон не ходила. Или ходила, но пару раз от силы... Точно, ходила, и мне не понравилось, что там с моими ногтями сделали, вот здесь, – сказала я и указала где.

– Это кутикула. Ну правильно, надо убирать кутикулу, – серьезно произнесла Ванда. – Она же нарастает. Наползает на ноготь...

– У меня ничего не нарастает и не наползает, – призналась я. – Достаточно только подстричь сами ногти и подпилить их край пилочкой, придать им ровную форму. И этого хватает. Ну вот как у детей... Детям же не делают профессиональный маникюр, но детские лапки обычно выглядят вполне нормально.

– У меня тоже ничего не нарастает, – призналась и Поля. – А вообще, этот профессиональный маникюр по всем правилам – довольно жуткая вещь. И за ним надо постоянно ухаживать, чуть что не так – бежать подправлять... То ноготь сломается, то отрастет на миллиметр, и видно эту отросшую не покрашенную полоску у основания, и уже нет прежней красоты... Но хуже всего, когда видно вот эту обрубленную кутикулу. Вроде все в порядке и красиво,

но прямо видно иногда, что кожа сострижена, и это брр! Да, а вы слышали про шеллак? Его, оказывается, делают из выделений каких-то там жучков!

– Ты серьезно? – Ванда посмотрела с недоверием на свои ногти.

Я же продолжила:

– Педикюр я, кстати, тоже не делаю – в том, общепринятом, смысле, когда пользуются лаком и совершают все эти сложные и долгие манипуляции со стопами. Так, ничего особенного... опять использую ножницы, пилочку, плюс обычную терку для пяток... Крем иногда. Давайте посмотрим, что у нас с ногами, – предложила я. Скинула с ног тапочки, стянула носки.

На Ванде тоже были носки, она их быстро сняла, а вот Поле пришлось освобождаться от колготок. Мы сели рядом на стульях, уставились на свои голые ступни.

– У тебя действительно все хорошо и в натуральном виде, – заметила Ванда серьезно, разглядывая мои ноги. – Пальцы красивые и ногти аккуратные. Можно даже фотографировать – для журнала, для какой-нибудь статьи. Фото на пленэре – что-то такое, в деревенском стиле... а-ля натюрель, короче. Если нарядить тебя в ситцевое платице, Лиза, распустить тебе волосы и поставить на травку босиком, а ступни – крупным планом... то будет просто «ах!». Твои пальчики сразят всех своей естественностью. Это очень модно сейчас!

– Какие у нас всех разные пальцы на ногах, – тем временем удивленно заметила Поля. – И пальцы разной длины.

– Ступни, или же стопы, делят на виды. То ли их три вида, то ли пять... Ну, неважно. Я про пять видов стоп помню, – тоном знатока изрекла Ванда. – Греческая стопа, египетская, кельтская, римская и германская. Не в курсе, связано это как-то с генетикой и реальными предками, но вот так они, эти типы ступней, называются.

– У тебя вот этот палец длиннее, – заметила Поля, разглядывая ноги Ванды. – Тот, что после большого идет. Не называть же его указательным? – она хихикнула. – Ой, и у меня тоже второй палец длиннее других!

– У меня греческая стопа, – сказала Ванда. – Это классика. У Венеры Милосской так и у статуи Свободы... Но у тебя, Поля, не греческая, а кельтская, скорее, видишь, мизинец и безымянный – на одном уровне?

– А у меня что тогда? – с интересом спросила я.

– У тебя, Лиза, так называемая египетская стопа. Большой палец длиннее, а что касается всех остальных, то они словно по росту выстроены, каждый следующий – короче предыдущего. Получается такая ровная, скошенная к мизинцу линия. Ну, тоже классика, если подумать. И, кстати, я не шучу, говоря, что сейчас модно оставлять внешность естественной. – Ванда улыбнулась и слегка толкнула меня локтем.

– Вот, я дождала до тех времен, когда попала в тренд! – засмеялась я, повернулась к столу и отпила из бокала. – Никогда ничего специально не делала.

– А еще волосы у тебя – просто роскошные, – с восхищением подтвердила Поля и провела ладонью по моим волосам, лежавшим на спине и собранным в подобие снопа – то есть перевязанным в нескольких местах ленточками.

– Но все думают, что они ненастоящие, типа шиньона, – призналась я.

– И ты говоришь, что ничего с ними не делаешь? – с удивлением спросила Ванда.

– Ничего. Мою их только отечественным детским шампунем, и не особенно часто к тому же, уж точно не каждый день, – подтвердила я. – Потому что потом приходится целый день сохнуть. И никакого бальзама, средств для укладки... Феном я тоже не пользуюсь, от него у меня голова потом чешется.

– А что с лицом делаешь? – с любопытством спросила Поля.

– Да тоже ничего особенного, – призналась я. – Мажу лицо самым простым кремом... ну, короче, нет у меня в арсенале всех этих многочисленных баночек и тюбиков со всевозможными чудодейственными средствами.

– Наверное, это правильно, – вздохнула Поля. – А я-то каждый день шампунем пользуюсь, иначе ощущение какое-то неприятное от волос. Потом бальзам, потом несмываемый питательный спрей, поверх него пенка для укладки...

– Да, мы слишком привыкли ко всей этой химии, – согласилась Ванда. – А это именно химия, к тому же она еще и изрядно бьет по карману... Получается, Лиза – самая умная из нас в этом плане.

– Нет. Нет! – не согласилась я. – Просто состояние моего здоровья, моего организма сейчас позволяет мне не делать лишних манипуляций. А вот потом, спустя годы, вполне может начаться какая-то фигня. Волоски над верхней губой полезут или кожа начнет шелушиться... Пятки огрубеют и перестанут быть нежными, ногти перестанут походить на милые розовые детские ноготочки... Лишний вес откуда-то возьмется! Вот тогда придется всерьез собой заняться, чтобы не походить на э-э... как говорят в народе, лахудру! То есть на неопрятную, неаккуратную особу. Неряху! Чтобы избежать этого сравнения, мне уже понадобятся и какой-то особый крем, и дорогой шампунь, и придется записаться к специалисту-подологу, и прочее. Или гормоны как скакнут, и я начну волосы на ногах брить. – Я поддернула пижамные штаны, показывая свои ноги – достаточно гладкие, с едва-едва различимым тонким пушком на голени. – Сейчас вроде некритично, а?

– Некритично, – согласилась Ванда. – И... Ну да, видели мы таких, которые вроде бы за натуральное и минимум косметики, долой ядовитые дезодоранты, но к ним ближе чем на метр не подойдешь, а растительность у них на ногах, наоборот, издалека видно.

– Вот! Смысл жизни в том, что не надо делать лишнего, но обязательно – делать нужное! – воскликнула я.

– Я уже сколько раз волосы на ногах эпилировала в салоне. Процедур двадцать прошла, не меньше. Больно! – пробормотала Ванда, разглядывая свои ноги, на мой взгляд, практически идеальные.

– Бр-р... – опять передернула плечами Поля. – Я ноги обычной женской бритвой брею.

– А я не могу бритвой, у меня от нее волосы моментально в кожу врастают, – огрызнулась Ванда. – Блин, девочки, кто бы нас сейчас со стороны слышал! Людям уже тридцатник, высшее образование за плечами, а они вот это все обсуждают...

– Это нормально, – не согласилась я. – Подобные вещи даже на анонимном форуме не получится обсудить, потому что это только в личном общении возможно, а все разговоры вокруг да около – это так, просто теория. Или свои фото в интернете выкладывать? Ой нет, захейтят наверняка. Я надеюсь, когда со мной будет что-то не так, вы мне об этом скажете – что мне надо подумать о маникюре или сделать стрижку, потому что мои ногти стали выглядеть безобразно, а моя шевелюра поредела и заметны посеченные концы волос. Или мягко намекнете, что мне пора воспользоваться стойким антиперспирантом, потому что мой нынешний, простенький дезодорант уже не справляется со своей задачей.

– А я вспомнила Хемингуэя. Он рассказал об одном случае, произошедшем с Фитцджеральдом, его другом и тоже писателем. Это все зафиксировано в романе «Праздник, который всегда с тобой». – Опять внезапно покраснела Поля. – Как-то они сидели в кафе. А Фитцджеральда перед тем накрутила жена, Зельда, сказала, что у него маленький... ну, вы понимаете... И с подобным размером невозможно удовлетворить женщину. Тогда Хемингуэй потащил своего друга в туалет, посмотрел на его, скажем так... достоинство и заявил, что ничего не маленькое, а нормальное. Посоветовал еще сходить в Лувр и посмотреть на обнаженные статуи. Вот у них реально были маленькие «достоинства», ибо так было принято среди древних скульпторов – не акцентировать. Словом, после этих объяснений Хемингуэя его друга Фитцджеральда сразу отпустило... Он перестал беспокоиться. Я к чему. Друзья, то есть приятели, для того и нужны, чтобы выразить объективную оценку. Только они могут сделать это, а не

другие посторонние люди. И даже не родственники. Потому что на родного человека, мужа или жену, после подобных высказываний можно затаить обиду.

Мы все задумались. Потом Ванда спохватилась, подняла брови:

– Минутку. А если Хемингуэй соврал? Чтобы просто утешить своего друга?

– Но мы-то друг другу врать не собираемся! – с ожесточением произнесла я.

– Я на вас надеюсь, – с энтузиазмом произнесла Ванда. – За честность.

Мы взяли в руки бокалы и опять чокнулись.

– Да, и вот что... – допив свой коктейль, продолжила Ванда. – Я вас очень прошу, девочки. Если вы вдруг узнаете, что мой муж изменяет мне или с кем-то там встречается, расскажите мне об этом. Я вас прямо об этом прошу, делаю официальное заявление.

– Это другое, – не согласилась Поля. – Мы со своей правдой можем только напортить. Разрушить ваши отношения с Арсением...

– Нет, я должна знать, – твердо произнесла Ванда. – Если кто-то чего-то и разрушит, то это буду я, а не вы.

– Арсений – душка. – Улыбнулась я, представив мужа подруги. Тот и в самом деле был настоящим «душкой» – то есть человеком, который вызывает самые позитивные ощущения у окружающих. На Арсения было приятно смотреть – как он ходит, говорит, поворачивает голову, в задумчивости иногда ерошит ладонью волосы у себя на голове. Красивым мужа Ванды назвать было трудно (небритый лохматый дяденька, который словно только что проснулся, и проснулся в прекрасном настроении причем), но как сопротивляться тому бесконечному обаянию, которое, словно свет, постоянно излучал Арсений? Я не была влюблена в Арсения, но он и вправду – самый настоящий душка.

Я просто искренне восхищалась им, ничего более.

– Ты называешь его душкой? Это потому, что он пьет, – не согласилась Ванда. – Вы ведь, девочки, в основном его только на наших праздниках видели. Да, когда Арсений чуть под градусом – в нем бездна шарма.

– Но «чуть» же! – резонно заметила Поля.

– Зато – постоянно, – с тоскливой досадой произнесла Ванда. – Постоянно и без выходных. Арсений вечно в легком подпитии. С ног не падает, но и не просыхает. То и дело себе что-то подливает. Рюмочку того, стопочку этого. Все вечера выходных тусит с друзьями: они вместе заваливаются в какие-то бары, что-то обсуждают – спорт, политику, кино... Никого не задирают, не скандалят, все они интеллигентные люди, все работают и у всех семьи... Придраться к этим мужчинам трудно. Я поначалу, в первые годы брака, особо и не беспокоилась о том, как Арсений проводит свой досуг, я же не «душила» какая-то, как теперь говорят, не хочу мужа под каблуком держать, но в последнее время мне стало страшно.

– А разве мы лучше? – Поля сунула нос в свой бокал, тоже уже пустой. – Три алкоголички. Пьем стабильно раз в неделю, и тоже по пятницам.

– Это другое, – с иронией произнесла я. – Да, вот именно. Тут полагается всем известную картинку из интернета показать, с крупной надписью – «Это другое!».

– Конечно, другое! – хмыкнула Ванда. – Бытовое пьянство называется! Надеюсь, мы, девочки, не совсем пропащие. Нет, я серьезно! Но то, что происходит с моим мужем, это очень грустно. Я потому и сбегаю к вам, что он каждую пятницу с друзьями – по барам. Если бы он не гулял по кабакам в своей компании, я бы сейчас дома сидела, честно. Этим летом к друзьям за город ездил, на дачу, виски они там дегустировали у какого-то знакомого, который занимается этим видом алкоголя... То ли продает, то ли сам готовит, не поняла. Словом, Арсений то и дело из дома норовит сбежать.

– А вот если бы мои родители куда-то ходили, то я бы, наоборот, дома сидела, – призналась, в свою очередь, Поля. – Только они никуда не ходят, и мне самой надо хоть раз в неделю, но сбежать от них.

– Может, есть что-то, что способно остановить Арсения, что помогло бы ему оставаться почаще в семье? – спросила я.

– Дети! – воскликнула Поля, подняв указательный палец.

– Ага, рожать детей только для того, чтобы отучить мужа от пьянства и удержать его дома... Нехорошо, – покачала головой Ванда. – И потом. Я же вижу, что Арсений потому и сбегает, что его тяготят домашние дела. Он начинает метаться, точно тигр в клетке, от стены к стене, рычит, тоскует. От ребенка в доме он станет сбегать еще чаще.

Мы замолчали.

– А что мне делать? – после долгой паузы произнесла Поля. – Вот что? Мне придется всю жизнь старой девой провести? Я помню, мы договаривались не становиться психоаналитиками друг для друга, но, быть может, вы мне все-таки что-то посоветуете, девочки? Не утешайте меня и не бойтесь сказать правду.

– Купи вибратор и лиши сама себя девственности! – вырвалось у Ванды. – А мужчинам, которых ты встретишь потом, ничего не говори.

– А где я этот вибратор хранить буду? – удивилась Поля. – У меня же родители все проверяют... Носить его потом все время с собой в сумочке? К тому же дверь в мою комнату постоянно открыта! Как я всю эту операцию проверну? И потом, у меня в телефоне программа, там все покупки мои расписаны, я маме показываю их, мы следим за расходами... Как я ей объясню покупку вибратора?

– Зайди в магазин, купи за наличные, а чек выброси... Или сходи к доктору во время обеденного перерыва, воспользуйся медицинской помощью, действительно сделай небольшую операцию... Ай, ладно, ты и этого не сможешь. Тогда вот что. Попробуй полюбить себя. Попробуй принять себя! – упрямо продолжила Ванда. – Себя, свою сексуальность... У тебя же ведь есть желания?

– У меня нет желаний, – подумав, призналась Поля. – То есть они есть, но... это что-то отвлеченное. Вот я представляю, допустим, что у меня появился мужчина, мы с ним сидим в кафе, мило беседуем, улыбаемся друг другу... Вроде вполне реальная картинка, да? Но я не могу вообразить, что у нас с ним происходит до того. Как я знакомлюсь с этим мужчиной, что я ему говорю, что он мне... Короче, я не могу нафантазировать, как у нас с ним все завязывается. Я могу только представить картинку про то, что происходит потом. Или, например... Ну ладно, допустим, мы уже с этим мужчиной в постели, целуемся, обнимаемся, и вот это все происходит... Но что опять же случилось до того?! Что-то ведь там произошло, такое интересное и хорошее, отчего мы с этим мужчиной оказались в постели?! А я себе именно это и не могу представить. Потому что я – как неповоротливая колода какая-то, я пугливая и застенчивая до ужаса. И в таком состоянии веду себя как идиотка! То есть, исходя из логики событий, у нас с мужчиной и не дойдет до всей этой романтики, потому что я не способна делать все эти вещи красиво и искренне, я жутко зажата. Лиза! – Она обернулась ко мне. – А как тебе это все удалось преодолеть?!

– Никак, – подумав, ответила я. – Да и вообще особой романтики у нас с Адамом никогда и не было. У нас с ним – договор. Со справками, с устными обязательствами, чего можно и чего нельзя – по всем пунктам. Я, например, сразу заявила Адаму, что на некоторые виды секса я не согласна. Если его это не устраивает – пусть валит. Но он почему-то согласился. Так что у нас все достаточно скромно и просто происходит, все эти годы одно и то же, никакие курсы по прокачке интимных умений мне не нужны.

– И он не заскучал? Не потребовал себе... «десерта»? Адам не возражает против рутины? – с крайней заинтересованностью спросила Ванда. – Что у вас все без этого... без новизнностей, разнообразия и приятных альтернатив?

– Нет, не возражает, – ответила я. – И, ты знаешь... оно как-то и не надо нам. Ну, по крайней мере мне.

– А Арсению надо, – неожиданно призналась Ванда. – Я вам не говорила, но... – она не стала продолжать и махнула рукой. – И я вам честно скажу, что мне это «приятное разнообразие» никакого удовольствия не доставляет. Это ему приятно, а мне – никак.

– А взаимные... то есть «зеркальные» жесты он совершает? – спросила я. – В отношении тебя? Ты ему, он тебе...

– Ха! Как же, дождешься от него... – фыркнула Ванда. – Одна я стараюсь! Без взаимности...

– Ни тот ни другой вариант меня не устраивает, – выслушав нас с Вандой и вздохнув с тоской, призналась Поля. – Ни твой, Лиза, ни твой, Ванда.

– Тогда и не думай об этом, не навешивай на себя ярлыки, – заявила я Поле. – Ты просила совета? Вот тебе мой совет – плыви по течению. Живи и не заморачивайся. Главное – не наломай дров, когда вдруг появится кто-то на горизонте. Вот не надо хвататься за первого встречного только потому, что он первый... а может, он негодяй или гад какой-нибудь?! Об этом всегда помни. После общения с таким типом тебе еще хуже станет. Из серии – и вот для такого чудища я себя и берегла?! Нет ничего хуже отчаяния, именно от отчаяния и совершаются все глупости. Поэтому спокойствие, честность (перед самой собой) – и легкий пофигизм. И не думай, ни о чем не думай, я тебя умоляю.

– Да как это – не думать? – удивилась Поля.

– А вот так. Потому что люди либо думают, либо делают, – ответила я. – Ты слишком много думаешь – и в этом твоя проблема, мне кажется. Ты не живешь, ты все время размышляешь и прикидываешь... И все не то тебе, и все не так, как ты сама только что призналась. Все твои мысли ведут тебя только к одному – к поражению. Ты не видишь себя победительницей.

– Я с Лизой не согласна, мне кажется, даже если у тебя на горизонте появится кто-то нормальный, ты все равно от него сбежишь. Как в «Женитьбе» у Гоголя – герой от своей невесты сбежал в окно. И ведь хотел жениться, и девушка ему нравилась... а он сбежал! – встряла Ванда.

– Я не сбегу, – испуганно возразила Поля.

– Ты *можешь* сбежать. Вот поэтому я тебя и предупреждаю, – покачала головой Ванда. – Что рано или поздно наступит в твоей жизни момент, когда ты захочешь сбежать, причем когда тебе не надо сбегать совсем. Просто помни об этом!

– Гениально, – сказала я. – Это и есть тот самый траблшутинг в действии! Именно ты, Ванда, нашла решение этой задачи! Короче, Поля, чтобы изменить свою жизнь к лучшему, ты должна понять – когда тебе надо стоять на месте, а когда – бежать, сверкая пятками, не жалея своих кельтских стоп.

Поля улыбнулась и погладила сначала Ванду по плечу, потом меня.

– А ты, Лиза... Ты говоришь, что не думаешь, да? Ты живешь как есть, да? – обратилась вдруг Ванда ко мне. – А время не стоит на месте. Вот ты все время про этот траблшутинг нам толкуешь, а если этот метод ты применишь к себе самой? В чем *твоя* основная проблема? – спросила она и тут же сама ответила: – На мой взгляд, она в том, что ты сейчас тратишь время на человека, который не готов строить с тобой серьезные отношения. Я об Адаме.

Холодок пробежал у меня между лопаток. Лицом к лицу лица не увидать... Пожалуй, со стороны действительно виднее.

– Это правда, – подумав, спокойно согласилась я.

– Ну вот и попробуй приглядеться к этому Кириллу! Сходи на свидание с ним.

– У тебя Адам кто по профессии? Кузнец? – спохватилась Поля. – То есть он рабочий? Ничего не имею ни против рабочих, ни против кого-то еще... Но о чем вы с ним говорите?

– Да почти ни о чем, – призналась я.

– Но как?!

– А вот так, – ответила я. – Мы с ним только одним занимаемся...

– И на серьезные отношения Адам не претендует, и поговорить вам не о чем... – расстроилась Поля. – Я вот вспомнила один фильм. Вернее, книгу, по которой сняли потом фильм. Я давно эту книгу читала, там о женщине, у которой был замечательный муж, врач, а ее упорно тянуло на какое-то отребье... На люмпенов, на ворюг, на уголовников. Это извращение какое-то! Ну вот заводило ее, когда какой-то грязный грубый мужик, не вынимая сигаретки изо рта, даже не раздевшись, а только штаны приспустив, творил с ней всякое такое... – Поля опять залилась малиновым румянцем. – Она даже в публичный дом пошла работать, пока муж днем на работе, чтобы с этим отребьем общаться!

У меня опять холодок пробежал между лопаток. Адам не являлся ни грубым грязным мужиком, ни отребьем, ни тем более уголовником, но... Это про меня история, ведь мне чем хуже – тем лучше.

– Давайте еще выпьем! – предложила я.

Мы еще немного выпили, поболтали об искусстве. Вспомнили, как та книга (и фильм) назывались.

«Дневная красавица» же! В фильме героиню, Северину, играла Катрин Денев. Мы дружно осудили Северину.

Потом мы вспомнили другой фильм, совсем уж страшный и странный – «Рассекая волны» Ларса фон Триера. Там героиня, Бесс, занималась любовью с «жуткими мужиками» – совсем по другой причине, но тема этого фильма перекликалась с темой «Дневной красавицы».

Потом мы вспомнили женщин, которых тянет к уголовникам. Известны же случаи, когда женщины заключали брак с самыми настоящими маньяками, отбывающими пожизненное заключение, и ездили к ним на свидания в места не столь отдаленные...

В первом часу ночи Ванда с Полей вызвали такси и разъехались по домам, взяв с меня на прощание слово, что я еще подумаю над своим будущим.

Обычно я после этих встреч всегда неплохо себя чувствовала – пусть и усталой, но довольной. Наверное, совсем уж без общения с другими людьми я не могла.

В этот же раз я ощущала беспокойство. Поля, сама того не подозревая, указала мне на мою главную проблему – я связалась с человеком, с которым у меня нет ничего общего.

И не было никогда.

Как мы с Адамом познакомились?

Несколько лет назад, когда мои папа с мамой были еще живы и здоровы, я отправилась в один из прекрасных московских парков – в Коломенское, кажется. Там проходил фестиваль ремесел или что-то такое, на историческую тему, с реконструкторами... Уже не помню точно, в Москве постоянно проводится столько всяких фестивалей и праздников, что все их и не запомнить.

На большой поляне расположилось несколько шатров и палаток. Реконструкторы в старинной одежде плели из ивовых прутьев корзины, строгаги ложки из дерева, ковали...

Мое внимание привлекла небольшая походная кузница. Высокий парень с волосами, забранными в хвост, ковал оружие. Меч? Я тоже не особо запомнила, потому что поначалу не обратила внимания ни на лицо парня, ни на то, что он там делает. Я просто сосредоточилась на его руках. Они были такие сильные, с играющими под кожей мышцами... Нет, этот кузнец не походил на бодибилдера. Просто очень крепкий, ловкий человек, бьющий молотом по раскаленному куску металла, лежащему на наковальне. Одет... это я тоже не помню, во что был одет кузнец, просто помню, что на дворе стояло лето, и плечи у парня были открыты. Спереди его тело прикрывал кожаный фартук.

Я видела только эти сильные руки.

Посетители фестиваля бродили туда-сюда, переговаривались, иногда случайно толкали меня – а я все стояла и смотрела заворуженно на эти руки.

И я помню точно, что думала тогда. А думала я о том, что все эти мужские ухищрения с силовыми тренажерами, особым питанием, фитнесом и прочими спортивными занятиями, на которых специально формируется мышечный корсет, методично накачиваются мускулы, «кубики» на животе – это все ерунда. Это искусственное. Ненастоящее. Вот как та же «пластика», когда с помощью операций и силикона уже женщины пытаются улучшить свою внешность.

Нет, я не о том, что не надо заниматься спортом, поддерживать свое физическое состояние, но наблюдать за работой сильного и ловкого мужчины, когда под кожей у него играют все мускулы, – это особое удовольствие. В этом случае виден смысл и красота мужской силы, когда она в первую очередь – для дела, а не только для показухи и не «для здоровья». Наверное, именно потому и популярны всякие календари с полуобнаженными пожарными, потому что профессия пожарного требует физической силы и ловкости, их накачанные мышцы – *настоящие*... Они уже не выглядят аналогом силиконовой груди женщин.

Я стояла и смотрела на руки кузнеца. Долго, очень долго... Не сразу обратила внимание на него самого. На его лицо. На шрам...

Я влюбилась в руки этого молодого мужчины.

Очнулась только тогда, когда обнаружила, что он замер, перестал ковать. Он стоял и смотрел на меня, с этим своим странным, немного перекошенным лицом, с этими губами, этим большим, немного кривым носом, как бывает, когда нос когда-то ломали.

– Адам, – произнес мужчина тоже странным, резким голосом. – Меня зовут Адам. Вы не против, девушка, если мы познакомимся?

Я только глазами тогда захлопала.

– Я могу вам свой паспорт показать. И вообще меня тут все знают... Я не какой-то там, – продолжил кузнец. Судя по всему, он и понятия не имел о том, как в наше время надо знакомиться с девушками, что говорить при этом, а методы пикаперов были ему вообще недоступны. Адам вел себя максимально открыто, и его искренность подкупала. Если бы он начал меня «забалтывать», то я бы точно не откликнулась на его ухаживания.

– Лиза я, – наконец я нашла в себе силы заговорить.

– Через полтора часа давайте встретимся у выхода из парка, там. – Он махнул рукой, указывая направление.

– Ладно, – ответила я и попятилась. Скрылась среди толпы, затем тропинка увела меня куда-то в лес.

Я ни с кем не знакомилась на улице, никогда, хотя довольно часто кто-то из молодых (и не очень) мужчин предпринимал такие попытки.

Я в тот период была, наверное, как Поля сейчас. Вечно убегающей. Но совсем убежать в тот день от Адама мне не захотелось. Вернее, я не смогла это сделать. Ну просто наваждение какое-то!

Ровно через полтора часа, проплутав по аллеям и тропинкам парка, я оказалась у того самого выхода. И Адам ждал там меня. В обычной одежде уже – джинсы, какая-то футболка.

Тут-то я и разглядела его немного получше. Адам – высокий, сильный на вид, но не атлетического сложения, скорее худощавый. Юношеская стройность... Ноги у него – прямые, длинные, как у танцора. Я вдруг осознала, что мне нравятся и его ноги.

Получается, я оценивала живого человека как животное? Я оценивала не человека, а его... стать? Вот как коня оценивают по его пропорциям...

Еще мне понравилось лицо Адама в профиль. То, как выделяется на его крепкой шее кадык. Мне понравились его губы, как он их кривит при разговоре (не пренебрежительно кривит, нет, это была особенность его артикуляции скорее).

То, как он, оказывается, выглядел, как говорил и двигался, действовало на меня очень сильно. Каждое следующее «открытие» во внешности и поведении Адама задевало меня. Откликалось во мне, где-то внутри.

Я уже не могла убежать. Я собой не владела. Краем сознания я понимала, что поступаю очень глупо, покорно следуя за человеком, с которым только что познакомилась.

Меня немного успокаивало лишь то, что Адам все же не являлся совсем уж первым встречным. Человек – участник фестиваля, наверняка был там как-то зарегистрирован. Вокруг нас бродила тогда куча народа, и вообще Адам сразу предложил мне посмотреть его паспорт.

Ну и потом, подвох – он всегда чувствуется. Адам же вел себя слишком открыто для обманщика. Обычный простодушный парень, грубоватый (но не грубый) и неискушенный. Адама точно так же тянуло ко мне, как и меня – к нему. Я о таком внезапном притяжении раньше читала только в книгах (и видела в кино), но никогда не думала о том, что и со мной может произойти нечто подобное. Когда меня позвали – а я пошла следом, покорная, точно овечка...

Мне повезло в том смысле, что Адам действительно оказался не маньяком и не тем, кто ищет развлечение на один вечер, а вполне себе серьезным, даже порядочным человеком.

Он хотел того же, чего хотела и я, запертая в своем одиночестве.

На стоянке за парком мы сели в машину Адама и переговорили о том, чего именно ждем от этого знакомства. Обсудили и то, где мы могли бы осуществить желаемое.

Ну а что было дальше, я уже упоминала.

Мы стали встречаться с Адамом в гостинице, в пригороде, недалеко от его дома. Сначала он платил за номер в гостинице, потом, спустя время, признался, что свободных денег у него очень мало (все средства крутились в его семейном бизнесе, оказывается) и неплохо бы платить за номер пополам.

Поначалу меня это очень шокировало. Я жила раньше с мыслью, что за все должен платить мужчина. Но у Адама действительно не имелось лишних денег – судя по тому, с каким лицом он это со мной обсуждал тогда. Адам был явно огорчен тем, что у него нет доступа к средствам. Нет, не огорчен даже, а взбешен. Он был в ярости, он боялся потерять меня, но и замалчивать проблему он больше не мог. Лгать Адам тоже не мог и не умел – к тому моменту я уже разгадала его характер, чем-то похожий на мой, кстати.

Ладно, мы договорились с Адамом, что будем оплачивать съём гостиницы пополам.

Около года я ездила на свидания к Адаму в пригород. Да, и транспортные расходы тоже были на мне. Не особо значительные, я к месту назначения добиралась на общественном транспорте – метро, электричка, потом автобус, но... И общественный транспорт в наше время стал недешевым.

Потом... потом я в один миг потеряла своих родителей.

Нет, не хочу говорить об этом, не могу вспоминать.

Только один плюс был в той ситуации. Какой плюс, ну о чем я говорю?! А, ладно... Короче, в гостинице мы больше не нуждались, и Адам стал приезжать ко мне. Ведь я жила теперь одна.

Обычно ненадолго приезжал – на полчаса, на час, изредка – на полдня. Один или два раза, помнится, он оставался у меня на ночь.

И тут встал вопрос о питании. Если мне, для того чтобы утолить голод, хватало стаканчика йогурта и чашки кофе, то Адам, оказывается, ел раза в три больше меня. В первый визит у меня дома он съел мои запасы, затем стал приезжать ко мне со своими. Пару раз заказывал доставку на дом – и практически все съедал сам (мне хватало, например, кусочка пиццы или нескольких роллов, если Адам заказывал что-то из японской кухни).

Потом Адам прознал о том, что можно заказывать что-то вроде «домашней» еды в лоточках. Эту еду требовалось только разогреть, и видом она действительно напоминала домашнюю.

В Москве появилось много подобных служб доставки еды на дом, и Адам, путем проб и ошибок, наконец нашел ту, где кормят недорого и достаточно вкусно...

Один раз он подкатил ко мне с предложением: «А давай, Птен, я тебе привезу готовых продуктов, а ты нам что-нибудь приготовишь?» Я в ответ сложила дулю из пальцев и сунула ему под нос.

Он разозлился, впрочем не стал дальше развивать эту тему. Мне кажется, он очень дорожил мной – в том плане, что я была ему удобна. И относительно приятна.

Точно так же, как и он был мне удобен, и он мне тоже казался относительно приятным. То есть не слишком противным...

Когда Адам оставался у меня «на подольше», наши свидания напоминали какие-то гонки. Гонки за наслаждением.

И все бы хорошо (два человека занимаются тем, что им нравится), но проблема заключалась в том, что наши отношения с Адамом ни к чему не вели. Если даже Поля с Вандой это заметили.

Мне надо расстаться с моим любовником, иначе я действительно потрачу свою жизнь на эту приятную, но совершенно непродуктивную гонку. Одни люди меняют для этих целей партнеров точно перчатки, другие, вот как я, годами не могут отлепиться от совершенно бесперспективных отношений... Это все явления одного порядка. А жизнь надо разумно строить.

Людей и новых знакомств я избегала, будучи интровертом, наверное, именно поэтому так и цеплялась за Адама, привыкнув к нему.

Не факт, что с Кириллом у меня что-то получится (да я и не думала даже об этом), но как-то надо было начинать менять свою жизнь? Ведь, как гласила пословица: пока не закроешь одну дверь – другая не откроется.

Хотя, если честно, мужчин я не понимала и не знала, в моей жизни присутствовал только Адам. Я ни с кем не поддерживала личных отношений, даже знакомых мужского пола в реале у меня никогда не было (Арсений, муж Ванды, не в счет).

Хотя вру. Был, был один знакомый. В первый год своих встреч с Адамом я ездила в «Рассвет», гостиницу, где проходили наши с ним свидания. Я там бронировала номер – на день, два, как-то умудрилась прожить неделю в тех краях. Словом, я тогда целое лето провела, мотаясь между гостиницей в поселке и Москвой.

Жизнь в «Рассвете» напоминала дачную, и мне это даже нравилось.

Родители тогда очень надолго уехали в санаторий, мне не приходилось отчитываться, где это я пропадаю целыми днями.

Днем я гуляла по окрестностям поселка – лес, старый парк у реки, пляж. Рано утром и вечером после захода солнца ко мне в номер ненадолго заглядывал Адам. Он в то лето как-то особенно был занят работой, едва находил время для свиданий со мной. Вот «сокровище» я нашла, если подумать! Словно не замечала тогда, что у Адама нет ни времени, ни денег на свою девушку, на меня то есть!

Я не любила официальный пляж в окрестностях поселка – слишком много народу. Дым от мангалов, запах шашлыков, машины на стоянке рядом. Я обычно уходила дальше, на дикий пляж, днем там было довольно безлюдно. Я купалась, загорала, читала под своим зонтиком, никто ко мне и не приставал.

Как-то во время очередного визита в те края, где жил мой любовник, я опять отдыхала на диком пляже. Позагорала, а потом отправилась плавать. А когда заплыла слишком далеко, на середину реки, то у меня вдруг свело судорогой ногу. В первый раз в жизни со мной такое случилось! Я бы, наверное, утонула, но один из проходивших мимо людей заметил, как я беспомощно трепыхаюсь.

Он меня и спас, этот случайный прохожий, вытащил из воды, потом растер ногу, сведенную судорогой.

Это был очень милый мужчина. Добродушный, приветливый, очень вежливый. От него исходило ощущение безопасности. Имени своего он мне не сказал, назвался Ноунеймом. Он очень не хотел, чтобы нас кто-то видел вместе – поскольку, как он признался, являлся «глубоко женатым человеком».

Вот с ним я спокойно общалась. Ноунейм не вызывал у меня желания убежать от него. Да я его вообще не воспринимала как мужчину, если честно. Не особо молодой, довольно полный дядечка, с бритой головой. Простой, но очень деликатный человек. Мы с ним потом несколько раз сталкивались все в тех же краях, возле реки, гуляли вместе по тропинкам, болтали. О чем? Я не помню. О каких-то пустяках. Природа, погода, политика, кино. Книги! О, о книгах мы много говорили, Ноунейм обожал фантастику. Стругацкие, Лем, Азимов, Брэдбери... О себе Ноунейм не рассказывал, и я тоже особо не афишировала свою жизнь.

Хотя я ему определенно нравилась и он не скрывал этого, заявляя, что современные девушки – сплошь грубые и неженственные, книжек не читают, а вот я – нежное умное создание. Но при всем при этом Ноунейм относился ко мне почти как к дочери, хотя был ненамного старше меня, лет на десять или пятнадцать... Точнее сказать трудно, я ему тоже о своем возрасте не говорила.

Тем же вечером, когда я чуть не утонула, я попыталась поведать Адаму о том, как я, купаясь в реке, пошла ко дну и меня спас проходящий мимо добрый человек.

Но только я начала рассказывать, как Адам в ответ на мои излияния стал пучить глаза и играть желваками... А едва я заикнулась о постороннем мужчине-спасателе, Адам вдруг заговорил со мной таким резким, злым голосом, что я была вынуждена оборвать свою историю. Когда Адам злился, его голос становился особенно противным. Я тогда сразу свернула эту тему, меньше всего мне хотелось выяснять отношения. Я просто сделала вывод раз и навсегда: Адам ревнивый.

Так вот, кроме того случайного Ноунейма, других знакомых мужчин у меня и не было никогда. Я избегала общения с противоположным полом, я, как и Поля, не представляла, как это – кокетничать с мужчинами, мило беседовать с ними, с азартом флиртовать и все такое прочее.

Но надо же когда-то начинать жить, а не барахтаться в привычном болоте? Возможно, у меня с Кириллом ничего и не получится, но свидание с ним – это уже шаг навстречу переменам.

* * *

Холода немного отступили, но я мерзлячка и решила на выход одеться потеплее. Да и куртка моя выглядела эффектней, чем плащ темно-синего цвета. Я этот плащ купила в конце весны, в сезон скидок – недорого, цвет немаркий (значит, прослужит дольше), размер подходит, что еще надо?

А куртке той – уже лет семь, она из тех вещей, что были приобретены в «прежние времена». Белая, стеганая, оверсайз. До середины колена. Стеганные вещи то входили в моду, то выходили из нее... Сейчас случился очередной виток возвращения к «стеганкам». И нет, я не следила за модой, просто от Ванды об этом услышала.

С какого-то момента я совершенно махнула на себя рукой в плане одежды. Хотя Поля с Вандой и заявляли, что у меня свой, особый, стиль. Европейский (тут улыбающийся смайлик).

Может, оно и так. Я предпочитала вещи немаркие и безразмерные, чтобы подходили на все случаи жизни. И чтобы все было как можно проще, минимум из минимума. Относила одну вещь, да и выбросила ее, нечего шкаф забивать лишними нарядами. На работу мне ходить

не надо, вести живую переговоры с людьми тоже не надо, Адама в моем внешнем облике все устраивало, тогда зачем стараться?

Последние годы я и вовсе не вылезала из спортивных костюмов, не знаю, попадают ли спортивные костюмы под европейский стиль. Зато эта одежда очень удобна, и на прогулках, когда я была именно в ней, со мной редко кто пытался познакомиться.

Для каких-то особых случаев у меня имелись черные джинсы и белая рубашка. Вот их я сегодня и надела. С белыми «парадными» рубашками у меня была такая история. Я покупала самые недорогие рубашки и после каждого выхода «в люди» стирала рубашку в самом жестком режиме, а если она не отстирывалась, то выкидывала ее и покупала новую. Сейчас у меня был запас из нескольких одинаковых белых рубашек, которые я приобрела по случаю и тоже со скидкой.

Отдавать вещи в химчистку, я считала, получалось дороже, да и не всегда химчистка справлялась – после пары неудачных обращений в химчистку я с ними, этими конторами, завязала. Все, не верю им. Если бы химчистки как-то возвращали деньги за неотстиранные вещи, я бы еще подумала, а так – нет уж (тут смайлик с поднятым вверх указательным пальцем).

Итак, на свидание с Кириллом я надела черные джинсы и белую рубашку из своих одежных запасов. Пришлось ее гладить и при глажке брызгать аэрозолем с крахмалом, чтобы воротничок стоял.

Я понимаю, что белая рубашка – вещь не для «экономного» гардероба. Она требует слишком много сил – на стирку, глажку... Но даже у такой лентяйки, как я, имелись свои правила и пристрастия. Все, что угодно, пусть выглядит немарким и темным, но рубашка – просто обязана быть кипенно-белой, отглаженной, со стоячим, поднятым воротником, чтобы его уголки либо красиво торчали вверх, либо, плавно изгибаясь, ложились на плечи, если воротничок отложной. Я любила широкие к запястью рукава, какие-нибудь вычурные манжеты...

Словом, белые рубашки – моя любовь, других белых вещей у меня не осталось, из белого была только вот эта куртка с прошлых времен, очень крепкая, кстати, – уж сколько машинных стирок она вытерпела.

Итак, сегодня на мне – черные джинсы, белая рубашка, черные «сникеры». Обувь у меня была вся черной, кстати, так удобней, и что летняя, что зимняя – в форме то ли кроссовок, то ли ботинок на платформе.

Никаких украшений, только сережки – самые простые, без камней, маленькие. Золотые.

Макияжа я использовала минимум, нанесла на кожу лица пудру светлого тона, прозрачный розовый блеск – на губы. Я еще хотела накрасить ресницы, но обнаружила, что тушь за то время, что я ею не пользовалась, – протухла. Ну и ладно. Тушь я немедленно выкинула.

Духи?

Я сто лет о них не вспоминала. Стояли на полочке одни. Их очень давно, в студенческие времена, когда еще не было никаких договоров о недарении между нами, подругами, преподнесла мне Поля.

Я подумала и, высоко подняв флакон, слегка, совсем слегка, брызнула духами себе на макушку.

Да, о макушке, то есть о прическе... Волосы я забрала сзади в некую конструкцию, напоминающую и пучок, и хвост, и косу одновременно. Эта прическа, тоже «на выход», каждый раз получалась новой и делалась чрезвычайно просто – я в произвольном порядке подкалывала пряди волос специальными «крабиками». Некоторые пряди на висках и над ушами – не трогала, они так и висели вдоль щек, тоже в естественном и произвольном порядке.

В этот раз получилось красиво. Голову я не мыла в этот день – та еще морока, я говорила. И не причесывалась, кстати. Причесанные расческой волосы у меня нещадно пушились, их приходилось приглаживать с помощью воды, а это долго. Я просто разбирала пряди руками, не давая им спутаться.

Ванда с Полей удивлялись – как это я умудряюсь не пользоваться расческой, с такой-то гривой? Я не знаю. Само так получалось, волосы не спутывались потом, после моих манипуляций. Ну, наверное, еще и потому, что они у меня большую часть времени были заплетены в косу, поэтому и не запутывались особо...

Я помню, что лишь один раз, в детстве, когда я болела чем-то серьезным – вот тогда волосы у меня превратились в самые настоящие колтуны, хотя мама и расчесывала их мне каждый день. Тогда словно мистика какая-то произошла – раз, и само все сваялось в один миг, просто поразительно. Когда я выздоровела, мне пришлось подстричься очень коротко.

...Итак, мой образ сегодня завершило белое стеганое пальто, в его карман я положила телефон. А, ну и ключи еще захватила... Зонт брать не стала, дождь не обещали. Наконец я вышла из дома.

Я так непривычно долго собиралась, что даже забыла, с какой целью я это все делаю. Помнила лишь, что мне зачем-то надо ехать в центр, на Тверскую, к памятнику Пушкину...

Пока туда добиралась, то думала об Адаме, вернее о том, как бы с ним «развязаться». Интересно, он станет опять ревновать, если я ему заявлю, что наши отношения закончены? Я ведь только один раз видела Адама в гневе (когда попыталась рассказать ему о мужчине, который спас меня из реки).

И если рассуждать логически, то Адам, мягко говоря, глуповат. Глуповат и эгоистичен. Ноунейм меня спас от смерти, почему же Адам тогда так гневался и ревновал? Хотя это, наверное, потому, что Адам меня не любил. Ему было плевать на то, утонула бы я или нет, его больше бесило, что ко мне прикасался какой-то чужой мужчина.

Я очнулась от своих мыслей, лишь когда оказалась возле памятника Пушкину. Посмотрела на часы в телефоне – оказалось, что я не рассчитала время и приехала на десять минут раньше. Ну и ладно... Я принялась ходить вокруг памятника, поглядывая на прохожих. Кто из них Кирилл? Или Кирилл еще не пришел?

Я бродила так довольно долго, меня даже два раза спросили какие-то мужчины, не их ли я жду... Я отрицательно качала головой, пятилась назад. Эти прохожие не соответствовали возрасту Кирилла – один слишком молодой человек, другой уже весь седой дядечка.

Когда меня в третий раз кто-то спросил – не его ли я жду, я опять собралась отнекиваться...

Но передо мной стоял достаточно молодой, среднего роста мужчина в пальто как у актера Камбербетча, когда тот играл Шерлока в известном сериале. Длинное такое пальто с поднятым воротником...

Я в первый момент обратила внимание не на человека, а на пальто и на воротник (ну пунктик у меня такой, с этими воротниками, тут полагается улыбающийся смайлик). И только потом посмотрела в лицо мужчине. Небольшая бородка (или это длинная щетина), взлохмаченные надо лбом рыжеватые волосы.

В руках мужчина держал маленький букет – вроде свадебного. Из маленьких кустовых роз, очень милых.

Я опять зависла, разглядывая этот букет, а мужчина тем временем спросил меня:

– Лиза?

– Нет. Ой, да, это я... Кирилл? – вдруг озарило меня.

– Привет, – нервно улыбнулся он. – Так вот ты какая, Доктор Текст...

Он вдруг так явно разволновался, что мне стало неловко.

Жизненного опыта у меня не было вообще, если подумать. Но зато была неплохо развита интуиция – если исходить из того, что в неприятные истории я все-таки умудрялась не попадать. Или мне просто везло? (Тут полагается смайлик-эмодзи с недоуменно разведенными руками.)

Словом, мне показалось, что в первые мгновения нашего знакомства с Кириллом я тоже почувствовала его. Поняла его, что ли? Как и в той истории с Адамом...

Мне показалось, что Кирилл, увидев меня, был явно удивлен, даже приятно шокирован. Он не ожидал, что я окажусь такой. Какой? Молодой и симпатичной – это раз, и еще такой «кэжуал», что ли (я про свой имидж), – это два.

Про «кэжуал» подробнее. Я уже упоминала, что Ванда с Полей утверждали неоднократно, что я выгляжу «по-европейски». То есть просто и без модных изысков на первый взгляд, как будто небрежно, но на самом деле стильно. Получается, мой стиль – в отсутствии стиля. Из украшений – только мои волосы. А, ну и моя худошавость.

Кому-то этот стиль «без стиля» не нравился, кто-то именно его и считал самым актуальным в наше время. Адаму, мне кажется, было вообще все «до лампочки»...

Кириллу же, судя по всему, я понравилась *очень*. В его глазах я прочитала восхищение и потрясение, а подобные чувства не сыграешь.

Хотя не знаю, ничего не знаю, может, мне все это показалось, и я сейчас просто описываю свои фантазии. Я, как говорят в книгах, тот самый «ненадежный рассказчик», то есть я вроде рассказываю правду, но ту правду, что виделась одной лишь мне... А на самом деле, со стороны, все иначе. И я не такая симпатичная и стильная, да и Кирилл вовсе не искушенный мужчина, а восхищенный шок в его глазах мне просто привиделся.

У меня почти всегда так – сначала я уверена в чем-либо, потом начинаю сомневаться в своих выводах.

– Лиза... – тем временем выдохнул Кирилл, немного расслабился. – Даже не ожидал... ты просто потрясающая. – Он протянул мне букет. – Нет слов, нет слов. Я вроде писатель, начинающий, конечно, но у меня нет слов сейчас. Ты... ох, Лиза.

– Спасибо, – ответила я, принимая из его рук букет.

– Что я хотел предложить... а, ну да. У меня два варианта того, как мы с тобой можем сейчас провести время. Первый вариант – мы идем сейчас с тобой в один ресторанчик, он недалеко тут, в переулках. Второй вариант – идем гулять, а потом где-нибудь посидим. А, и еще есть третий вариант, мы отправимся в кино...

– Номер два, – сказала я. – Идем гулять. Туда, на бульвары...

– Отлично, – сглотнул Кирилл. – В какую сторону? Давай туда, где Страстной...

Мы направились в сторону Страстного бульвара. Я шла и держала перед собой букет, любовалась цветами.

– Ты так хорошо знаешь литературу... – пробормотал Кирилл. – Ты так мне помогла, Лиза. Ты спасла мой роман!

– Я, конечно, знаю литературу – в том смысле, что я много читала, и вообще я люблю читать, но я не филолог, не редактор, не литературовед, и... Я занимаюсь тем, что пытаюсь исправить уже готовый текст. Это у меня с детства... Когда, помню, читала книгу или смотрела фильм, то часто хотела что-то исправить в них. Какую-нибудь деталь изменить или сюжет повернуть в другую сторону, или придумать другую концовку. Героя немного другим сделать!

– Да, я тоже за собой подобное замечал! – улыбнулся Кирилл.

– Но уже написанную чужую книгу не исправишь, кино не переделаешь, – вздохнула я. – А вот рукопись исправить можно.

– Я в этом убедился! – засмеялся он.

Он шел рядом, то и дело поглядывал на меня и с каждым шагом словно становился все счастливее. Наверное, мне все-таки не показалось, что я понравилась ему с первого взгляда.

– Я совсем неопытный писатель, – признался Кирилл. – Это мое хобби. Мне даже писателем называть себя сложно... Я по жизни совсем другими делами занимаюсь, очень далекими от творчества. Законы, правила, акты, нормативы... Ты в творчестве понимаешь больше меня, наверное.

– Ну, у литературы тоже есть свои законы, – возразила я. – Недавно читала рекомендации для начинающих авторов. Первое, что нельзя делать – это начинать роман с пробуждения героини или героя. Второе, что нельзя делать – это давать описание внешности героя или героини, когда тот или та смотрит в зеркало...

Я остановилась перед зеркальной витриной и взглянула на свое отражение. Я себе понравилась – с этим легким букетиком в руках, с рассыпанными по плечам прядями волос.

Не понимаю женщин, у которых волосы вьются, а они их постоянно и мучительно выпрямляют... Я никогда не пыталась распрямить свои волосы при помощи специальных средств, я не увлекалась стрижками, которые требовали постоянного ухода, не делала никаких коррекций, укладок и еще чего-то там... Я просто по максимуму использовала то, чем владела от природы, и старалась не делать лишнего. У меня были вьющиеся густые волосы, которые пушились у корней, то есть создавали объем. Пряди не висели тяжелыми плетями и были при этом послушными. То есть я являлась обладательницей гривы волос, ну и носила себе и дальше эту гриву, ничего не меняя в своей прическе...

И я очень удачно заколола их сегодня, такое не каждый раз получается.

Словом, мое отражение очень понравилось мне сейчас. И, наверное, Поля с Вандой, твердившие про мой «европейский стиль», правы. Я нравилась себе в зеркале – с волосами, в куртке оверсайз и в своих любимых обтягивающих джинсах, расширяющихся книзу (совсем небольшой клеш). И с этим мужчиной рядом.

Кирилл смотрел в зеркало и тоже явно любовался мной. Нами.

Если подумать, мы с ним сейчас напоминали пару с обложки какого-нибудь романа о любви.

– Идем, – я потянула Кирилла за собой.

Мы шли по Страстному бульвару, когда он вдруг выпалил:

– Сказать правду? – И тут же продолжил: – Я думал, ты – это какая-то почтенная тетушка, знаток изящной словесности. Или ты – это такая нервная особа с вечной сигаретой в зубах, из непризнанных гениев... Самой писать не получилось, так даешь советы авторам. Или, я еще предполагал, ты – серая мышка с брекетами и в очках.

– А я? Какая я на самом деле оказалась? – засмеялась я. Ох, как же он мне льстил, а я продолжала поддаваться на эту лесть!

– Ты лучше, чем я мог придумать, а уж придумывать я умею и люблю...

Кирилл опять буквально засыпал меня комплиментами. От Адама я не слышала ничего подобного.

Мы шли и болтали – взахлеб, перебивая друг друга, – о книгах, о кино, об искусстве вообще... О том, каким стал теперь мир. Мы обсудили то, как изменились люди и насколько далеко зашла цифровизация, сделав так, что многие профессии стали уже не нужны. Образование устарело: ни школы, ни вузы теперь не справляются со своими задачами.

Представьте, Кирилла тоже волновали эти вопросы!

Вот а с Адамом мы тоже никогда не беседовали ни о чем подобном.

Это что же получается? Связавшись с Адамом, я несколько лет прожила словно в тумане. У меня не было ни комплиментов, ни разговоров на интересные мне темы... Я платила половину за съем гостиницы, тратила деньги на дорогу до этой самой гостиницы, находящейся часах в двух езды от моего дома. Меня не звали в кафе и на прогулки.

И главное – мне никогда не дарили цветов!

Я не чувствовала себя женщиной – красивой, умной, нежной. Я не чувствовала заботы о себе.

Почему я этого не замечала, хотя Поля с Вандой годами намекали на то, что отношения с Адамом мне только во вред?

Столько лет я уверяла себя, что подобное положение дел нормально и что Адам нужен мне. Для здоровья, как принято говорить. Да, я получала от Адама то, чего мне хотелось, но не замечала, что вместе с тем Адам загородил мне весь остальной мир. Он спрятал от меня солнце.

Что, серьезно, мои оргазмы стоят вот этих интересных бесед, этих цветов, этих комплиментов?! Этого ощущения счастья – когда идешь теплой осенью по московским улочкам с симпатичным мужчиной рядом, который смотрит влюбленно и с восхищением?

Я была уверена, что Адам помогает мне не быть животным, что с ним я избавляюсь от своих животных желаний и становлюсь человеком. О нет! Именно Адам, оказывается, и делал меня животным. Делал зависимой от собственной похоти, только усиливал ее.

– ...все мы мечтаем о каких-то необыкновенных технологиях, – говорил Кирилл, держа меня под руку. Он поглядывал на меня время от времени блестящими глазами, явно находясь на подъеме. – Мы надеемся, что скоро полетим в космос, нас будут лечить нанороботы... А кто нам все это устроит, дети дистанционки? Образование перестало работать. У человечества нет того будущего, о котором когда-то мечтали фантасты прошлого!

– А что у нас есть? На что же теперь надеяться людям, о чем мечтать? – спросила я.

– Да уж не о космосе! Надо думать о собственном счастье. О том, как сделать себя счастливым.

– И как это сделать? – с интересом спросила я.

Кирилл остановился, развернул меня к себе. На каком из бульваров мы с ним находились на тот момент – не помню. Я уже не ориентировалась в пространстве, я была полностью захвачена беседой с Кириллом.

– У нас, у людей, осталась только любовь, – сказал он. – Счастье – это когда любимый человек рядом. Когда есть семья. Дети. Смысл мечтать о космосе, если в мире семьдесят процентов разводов?

– Ты против покорения космоса? – засмеялась я.

– А ты представляешь, сколько денег постоянно вливают в космическую отрасль? Сколько грантов собирают все эти безумные проекты? Это раньше были ученые-энтузиасты, а сейчас сплошные бизнесмены с идеями, которые требуют деньги под эти свои идеи... Наука сейчас служит бизнесу, а не людям. Ах, Лиза, я по своей основной работе занимаюсь такой фигней, если бы ты знала... Кстати, вон неплохой ресторанчик, посидим в нем?

Я согласилась.

Ресторан и в самом деле оказался очень неплохим – уютное местечко с тихой приятной музыкой. Нам подали кофе и вафли с разной начинкой. Вкусно. Я любила кафе... Только раньше я сидела в них всегда одна. И гуляла по городу тоже одна.

Потом, после посиделок с вафлями, мы с Кириллом опять принялись бродить по Москве, и бродили до тех пор, пока совсем не стемнело. И говорили, говорили, говорили...

Наконец я заявила, что устала, и Кирилл вызвал такси, довез меня до моего дома.

Там, у арки, ведущей во двор, мы стали прощаться.

– Это был самый чудесный вечер в моей жизни, – признался Кирилл, держа меня за руку. – Да и вообще... Лиза, ведь мы с тобой еще встретимся?

Я постаралась улыбнуться. Я в этот момент опять подумала об Адаме.

Кирилл осторожно приблизил меня к себе и поцеловал. Потом еще раз и еще. Он был деликатен, вежлив, нежен; когда я целовалась с ним, мои челюсти не ныли, а скулы не немели.

Если бы у меня была возможность, я бы прямо сейчас пригласила Кирилла к себе домой, но... нет, не сегодня.

– Пора, – сказала я. И потихоньку отстранилась от него.

– До свидания, Лиза... – Кирилл еще не сразу отпустил меня.

Я набрала код на арке, открыла решетчатую железную дверь. Прошла вперед, услышала, как дверь с металлическим звуком захлопнулась. В конце арки, перед тем как свернуть во двор,

я оглянулась – Кирилл все еще стоял там, с другой стороны дома, за решеткой, в свете фонаря темнел его силуэт – длинное пальто, поднятый воротник...

Дома я поставила цветы в вазу.

Звякнул телефон, принимая сообщения, – это был Кирилл. Мы ведь, пока гуляли по Москве, обменялись всеми контактами. Кирилл писал:

«Лиза, ты дома?»

Я хотела по привычке послать в ответ картинку в виде поднятого большого пальца, но вовремя опомнилась. Это другой формат, другие отношения. Я написала:

«Я дома! Спасибо за чудесную прогулку».

Кирилл в течение вечера написал мне еще несколько сообщений, затем пожелал спокойной ночи.

Утром, едва я только заглянула в свой телефон, Кирилл опять написал мне, пожелал доброго утра. Наверное, увидел, что я в Сети, и тут же откликнулся.

Это все было очень приятно и очень непривычно.

Я, кажется, совершенно отвыкла от подобных ухаживаний. Потом, за завтраком, я просмотрела прежде закрытую страничку Кирилла в одной из социальных сетей (тоже вчера зафрендилась с ним где только можно).

От странички Кирилла у меня остались очень приятные впечатления. Не так много записей, но все – по существу, без этих глупых статусов и пафосных афоризмов. Фото Кирилла с друзьями, коллегами, в поездках, у моря.

Совсем давние фото – там Кирилл был со своей женой. Обычная молодая женщина, всегда, правда, со строгой улыбкой... Света. Как хорошо и правильно, что он не удалил эти фото, не стал вычеркивать кусок своей жизни.

Кирилл казался совершенно открытым и тем мне нравился. Да мне все в нем нравилось, даже его посты в социальной сети.

У Адама своей странички в соцсетях не было... Или была, но какая-нибудь тоже закрытая, я о ней и не знала, а меня никто туда и не приглашал.

На этой неделе Кирилл завершал какой-то проект, был очень занят, хотя писал мне в мессенджер сообщения каждый день. На следующие выходные мужчина хотел встретиться со мной, предлагал провести время вместе. Я согласилась.

Мне было ясно, что в следующие выходные мы с Кириллом станем близки. Я не собиралась дожидаться какого-то там третьего свидания или еще какие-то ритуалы соблюдать...

Да. И надо при первой возможности расстаться с Адамом. Это будет и честно, и правильно.

...Адам связался со мной первым – написал, что может приехать в пятницу утром. У него есть время – с десяти утра до двенадцати. И все это он поведал мне, разумеется, с помощью смайликов и эмодзи... В конце его сообщения стоял вопросительный знак. То есть Адам меня спрашивал, согласна я или нет на его визит?

Я в ответ отправила ему картинку с поднятым большим пальцем.

Перед тем как отправить, правда, задумалась – возможно, стоит как-то намекнуть Адаму, что это последнее наше с ним свидание, и никакого секса, мы просто поговорим? А, ладно... При личной встрече ему все объясню.

Адам прибыл в пятницу ровно к десяти утра, поздоровался со мной:

– Привет, Птен! – Он чмокнул меня в лоб и сразу отправился в ванную – мыть руки.

Оттуда крикнул: – Душ я дома принял, не беспокойся...

Он все еще продолжал совершать привычный ритуал. Соблюдал наш договор, расписанный по пунктам.

Я немного струсила... Сидела на диване в комнате, опустив голову, пыталась собраться с мыслями.

Адам, когда вернулся из ванной, сразу направился ко мне, на ходу расстегивая рубашку, буквально «стреляя» кнопками на ней.

– Блин, еле дождался...

– Адам, погоди, – вытянула я вперед ладонь, отстраняя его. – Нам надо поговорить. Seriously поговорить. Я не для того решила на эту встречу.

– Птен, ты беременна? – вытаращил он глаза. – Вон она, твоя хваленая спираль... И что теперь делать? Ладно, хорошо, давай обсудим этот вопрос!

– Я не беременна! – рассердилась я. – Я по другому поводу хочу с тобой поговорить.

– А что тогда? – он с явным облегчением выдохнул и сел рядом, протянул руки, намереваясь теперь расстегнуть мою рубашку.

Я немедленно пересела на стул.

– Птен! Ты что творишь?! – возмутился Адам.

– Нам надо расстаться, – сказала я.

– В каком смысле? – противным голосом произнес он.

– В прямом! Больше мы не любовники.

– Ты обиделась на меня, Птен? – Адам, похоже, сумел обуздать себя и теперь говорил со мной спокойно и деловито, тон его сменился.

– Нет, – сказала я. – Просто пришло время нам расстаться.

– Но почему?

– Ты же не собирался ездить ко мне всю жизнь?

– А чем плохо? – усмехнулся он половиной своего лица. Все-таки какое странное у него лицо, странное и страшное – перекошенное, кривое, нос этот огромный, эти губы... Мимика эта странная еще.

– Ничем. Если ты помнишь, мы рассматривали наши встречи как некий временный вариант.

– У тебя кто-то появился? – быстро спросил Адам.

Мне стало жутко, но я нашла в себе силы ответить:

– Да.

– У вас уже что-то было? – спросил Адам, и я вдруг заметила, как побелели, задергались его губы.

– Нет! – быстро ответила я, и лицо Адама чуть расслабилось. – Мы же с тобой договаривались – расстаться сразу, как только в нашей жизни появятся какие-то серьезные отношения, – напомнила я. – И я, как честный человек, соблюдающий договор, предупреждаю тебя – я собираюсь... – Тут я сбилась, у меня почему-то исчезли все слова.

– Птен... да, все так, ты правильно поступаешь, предупреждая меня. – Голос Адама сделался глуховатым, даже бархатным. – Но ты уверена, что у тебя с тем типом все получится? Ты сейчас со мной расстанешься, а если с этим твоим, новым, будет потом все тухло?... И что тогда? Я к тебе уже не вернусь, поюзанная кем-то ты мне не нужна.

У меня все внутри похолодело от гнева и ужаса. Как он со мной говорил сейчас, какими словами! Назвал меня поюзанной...

– Ну не нужна, и что ж теперь, – стараясь выглядеть спокойной, ответила я. – Буду искать кого-то третьего.

– Ты шлюха, да?

– Да, Адам, я шлюха, – бесстрастно произнесла я и закрыла глаза – не хотела ему показывать свои слезы.

Адам молчал. Потом я услышала, как он ходит туда-сюда по комнате. Я приоткрыла глаза – Адам метался от стены к стене словно загнанный зверь. Он был большим и страшным. И лохматым, точно зверь, – сегодня его волосы не были собраны сзади в хвост. Лев с гривой.

– Не топай, пожалуйста. Соседи опять напишут в общедомовой чат, пожалуются на меня, – попросила я.

Адам произнес только одно слово – что он думает по этому поводу. Причем матом.

– Уходи, – сквозь зубы произнесла я. – Скотина. Не ты, а я скотина, потому что ты держал меня за скотину, ни одного цветочка я от тебя не дождалась, ты меня в кафе ни разу не сводил, мы за все платили пополам.

– Ты знаешь, что у меня нет свободных денег. – Он остановился, посмотрел на меня искоса. – Все свободные деньги нашей семьи вложены в бизнес. Я не от жадности просил разделить с тобой счета. И другой момент... Ну блин, почему ты об этом мне раньше не сказала?!

– Не знаю, – передернула я плечами. – И какая разница теперь... уходи. Ты при мне ругаешься матом, ты назвал меня шлюхой и поюзанной – я не собираюсь этого прощать.

– Прости, Птен. – Он повернулся ко мне, присел передо мной на корточки, взял мои руки в свои. – Я это от злости сейчас наговорил. Ты не такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.